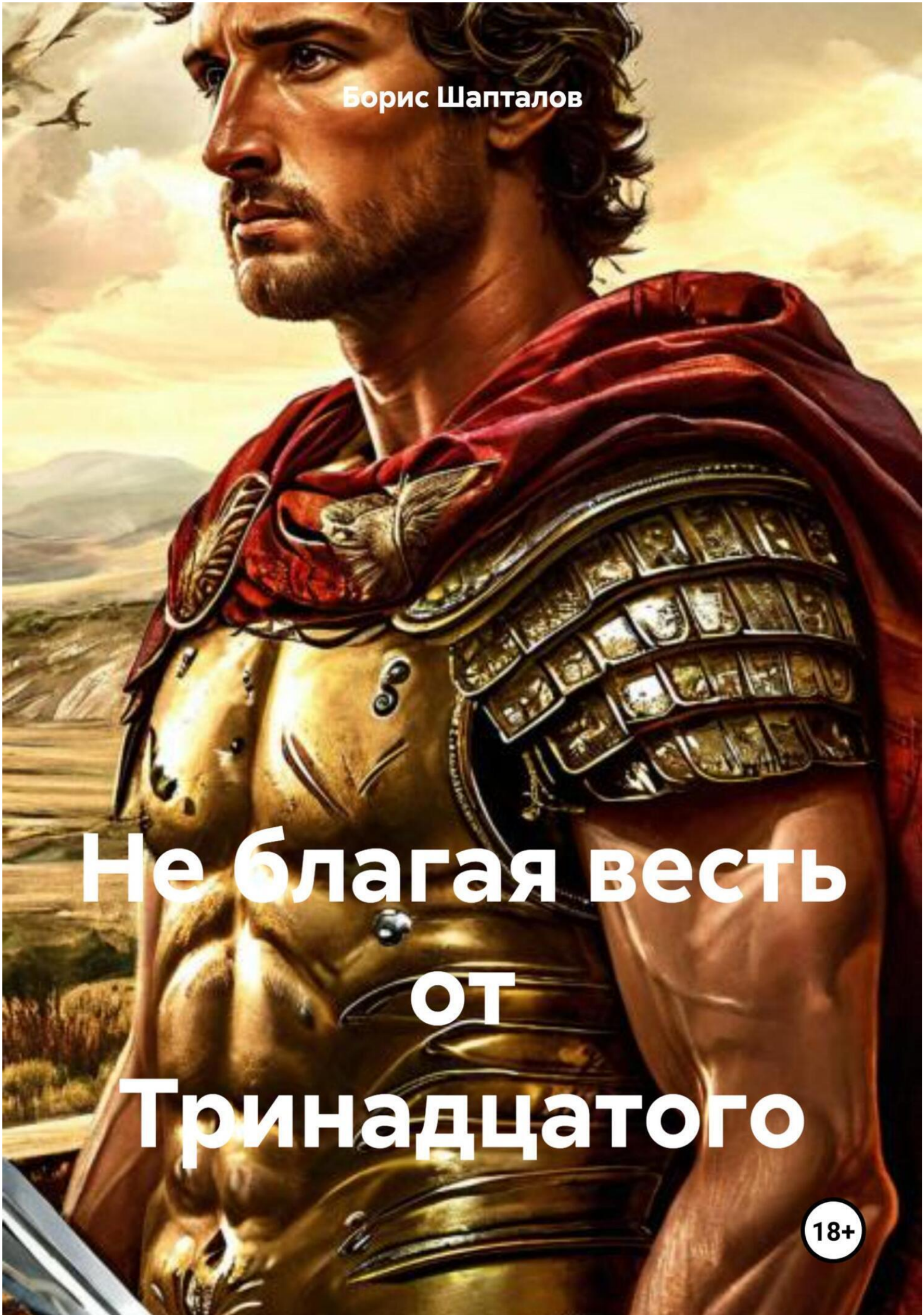

Борис Шапталов
Не благая весть от Тринадцатого
18+

Борис Шапталов

Не благая весть от Тринадцатого

«Автор»
2025

Шапталов Б. Н.

Не благая весть от Тринадцатого / Б. Н. Шапталов — «Автор», 2025

В романе переплетаются две сюжетные линии – известные евангельские события и судьба Александра Македонского. Обе великих личности стремились к одному – объединить человечество: один с помощью слова, другой - меча. Оба потерпели кажущее поражение. Но задача осталась, а их подвиг – физический и духовный – достался нам как завещание.

© Шапталов Б. Н., 2025
© Автор, 2025

Борис Шапталов
Не благая весть от Тринадцатого

Вот, Я посылаю Ангела Моего, и он приготовит путь предо Мною; и внезапно придет в храм свой Господь, которого вы ищите, и Ангел завета, которого вы желаете… И кто выдержит день пришествия Его, и кто устоит, когда Он явится? Ибо Он – как огонь расплавляющий и как щелок очищающий, и сядет переплавлять и очищать серебро, и очистит сынов Левия и переплавит их, как золото и как серебро, чтобы приносили жертву Господу в правде. Тогда благоприятна будет Господу жертва Иуды и Иерусалима, как во дни древние и как в лета прежние.

Ветхий Завет. Книга пророка Малахии (3;1—4)

И создал Бог человеков по образу и подобию своему. Но в своеволии своем ослушались первые люди воли Творца и прогнал Господь их от глаз своих. Прошло время, и задумались сыновья тех людей о том, что окружает их, и сказали друг другу: «У каждого начала есть Творец. Нам нужно поклоняться тому, кто сотворил все это первым». И создали люди бога по образу и подобию своему, и стали поклоняться Ему. Но почему-то не принесло это им радости.

Притча от Иуды

Если бы путешественник, проезжая земли у реки Иордан, через сонные селения или даже через столицу этой страны – Великий Город, представляющий из себя скопище глинобитных домов и кривых улочек с канавами для нечистот – услышал, что здесь таятся силы готовые вот-вот взорваться и сместить ось вращения сложившегося за долгие века порядка, он этому не поверил бы. Могущественный Рим царил на берегах Средиземноморья. Римляне утвердились здесь сравнительно недавно, но прочно, по-молодому цепко держа в руках подвластные народы. Лишь маленький, ничтожный с точки зрения мировой политики народ, со своей сверхчестолюбивой религией, страстно мечтал о свободе. Но свободе особо рода, малопонятной эллинам и римлянам, да и самим жителям этого края. Одни ее жаждали, чтобы не оглядываясь на стороннюю силу, всецело раствориться в сладостной покорности своему Богу. Другие же хотели иного, того, что они называли «освобождением духа». Третьи мечтали о царстве справедливости на земле. И все стороны уверяли, что тем самым спасут себя, свой народ и обеспечат детям лучшую долю. Но римская мощь казалась несокрушимой, мир – недвижим, и отодвигалось великое чудо приобщения к Небу. Но его ждали! Мало кому из истомленных ожиданием людей думалось, что оно не произойдет при их жизни, минует их судьбу. Нет и нет! Верилось, что скоро, может, через год, пусть через два или три, но обязательно явится Спаситель и возвестит о наступлении Светлого Дня. И они сбегутся к нему, как дети к возвратившемуся с подарками из далеких краев отцу…

Однако годы шли, но ничего не менялось.

Повествование 1. Д о р о г и Г а л и л е и

1

Меж зеленых холмов Галилеи петляла узкая серая дорога. Под полуденным солнцем брели люди, поднимая носками сандалий густую пыль. Их было немного – около дюжины. Шли они медленно, как идут те, чья цель так далека, что нет необходимости спешить и выбиваться из сил. Впереди шествовал высокий, худой человек в темном хитоне, смотрящий не под

ноги, а куда-то вдаль, откуда извиваясь, приходила к ним дорога. Остальные брели следом, растянувшись цепочкой, в одинаково бедных одеяниях, бородатые и гладколицые, плешивые и густоволосые, пожилые и молодые, кто опираясь на посох, кто таща узелок, равнодушно взирая на окрестности, на обреченно-вытоптанную дорогу под ногами, пока вдали не показалась деревня, и тогда путники разом ускорили шаг. Она оказалась небольшой, но это только приободрило их. По опыту уже знали: чем меньше селение, тем больше гостеприимства.

Вперед вышел человек, – еще не старый, но давно расставшийся с молодостью, в недлинной курчавой бороде которого застряло уже немало седых волос. Человек несмело шагнул к одному из домов и постучал в дверь.

– Мир вам, хозяева! – проговорил он, появляясь на пороге, несколько гнусаво, но с чувством. – Пусть счастлив будет сей очаг!

Хозяева – муж с женой – поднялись навстречу:

– Спасибо. Проходите, гостям рады.

Черные, острые глаза вошедшего радостно оживились, и он с улыбкой шагнул в комнату.

– Благословенно будет гостеприимство ваше! Пока не иссякнет радушие – не иссякнут и воды Иордана, – проговорил он с напускной напыщенностью. Он боялся отказа и спешил заговорить хозяев.

Хозяева же, как и все галилейские земледельцы, с коричневыми от солнца лицами и огрубевшими от работы руками, настороженно вглядывались в гостя.

В нем не было ничего деревенского. Но и городским ремесленником или торговцем он тоже не выглядел. Бродяга? Невысок ростом, сутул, прихрамывал на правую ногу, и при этом, казалось, не мог спокойно усидеть ни мгновения. Какая-то сила заставляла его постоянно то двигать руками, то передергивать плечами, а рот то и дело расплывался в улыбке и слышался дробный смешок, отчего бородка мелко дрожала.

– Разделите с нами трапезу, – пригласил хозяин.

– Спасибо за радушие. У меня и свои припасы есть, только они у моих товарищей, – ответил гость вдруг жалобным голосом, мигом согнав с лица улыбку. – Сейчас они подойдут… Не разрешите ли им стеснить вас немного? С утра на ногах, на ветру и на солнце!

Муж вопросительно посмотрел на жену. Та не возражала.

– Если мой дом вместит их, зови, – согласился хозяин.

– Спасибо! Да будет вам удача во всех делах! – обрадовался гость и выскочил из дома, навстречу путникам.

– Я все сделал, Учитель! – с едва сдерживаемой гордостью сказал он приближавшемуся к ограде человеку. – Вас ждут!

Путники заулыбались, довольные предстоящим отдыхом.

– Спасибо тебе, Иуда, что взял на себя обязанность договариваться, – сказал один из них. – Не то что Хоам…

– Что я могу сделать, если везде требовали плату? – пожал плечами Хоам.

– А с Иуды не требуют, – наставительно ответили ему.

Хоам не стал спорить. Раз получается у кого-то договариваться, так пусть…

Во дворе они долго умывались, избавляясь от въевшейся пыли и грязи, и только тогда вышли в дом, чинно, один за другим. Еще раз поздоровались с хозяевами, воздав им за оказанное радушие, не спеша расселись на бараньих шкурах и достали из котомок незамысловатую еду: сыр, лук, хлеб, вяленую рыбу.

Иуда отозвал хозяина, пошептался с ним и среди выложенной снеди появился кувшин молодого, кисловатого, виноградного вина.

В тесной комнате сделалось шумно и весело. Разговор оживился. Послышались шутки, смех.

– Куда же вы путь держите, и кто вы? – спросил хозяин.

– Идем в Столицу, хотим помолиться в Храме. А так-то мы странники, разносим сокровенное слово Господне.

– Оно вам ведомо? – осведомился хозяин.

– А вот приходите на площадь, послушайте, что мы говорить будем.

– Проповедников ныне много. И толкуют они по-разному. Знать не внятно Бог им свое слово открывает, – угрюмо отвечал хозяин.

– Это верно. Но у человека есть сердце, он должен прислушаться к тому, что оно подскажет. Так что приходите. Не понравимся, так что же? Мы уйдем, и вы нас забудете.

Трапеза длилась недолго. Пришельцы не хотели испытывать терпение хозяев. Воздав хвалу Всевышнему, они собрали остатки еды в сумы, встали и, поблагодарив за гостеприимство, вышли. И первым это сделал их предводитель.

Когда уходили последние, хозяин не выдержал и задал вопрос, который занимал его:

– Так на что вы рассчитываете, ходя вот так от деревни к деревне?

Иуда встрепенулся, подался вперед и первым ответил:

– Вот ты сказал, проповедников много, – это верно. Но только не всем внимают. Зато нам – охотно. Так что время покажет, кто есть кто.

2

А путники тем временем вышли на небольшой пустырь, заменявший в деревне площадь и объявили селянам, что к ним хотят обратиться с проповедью. Сначала пришли желающие, следом потянулись любопытствующие. Их обычно находилось достаточно. Для монотонной жизни маленьких селений каждый новый человек – событие.

Когда народ собрался, на прикатанный путниками камень поднялся человек.

– Не с праздными и лукавыми речами я к вам пришел, а спросить хочу: счастливы ли вы? Спокойны ли ваши души? Не мучают ли вас вопросы, на какие ответы не ведаете? – мягко, почти не повышая голоса, спросил он.

Толпа молчала. В молчании терпеливо ждал проповедник. Наконец кто-то сказал, будто вздохнул:

– У каждого свое.

– Да, у каждого свои радости, – согласился пришелец, – только вот беды общие. Корни тех колючих кустов, что цепляют людей, одни. Каждый человек подобен травинке – растет сам по себе, но живет потому, что рядом существуют такие же. Всяк живет по-своему и невдомек ему порой, что радость его увеличивает счастье всех, а его беды – общую тяжесть, – говорил проповедник, как бы размышляя вслух. – Многие гонят из себя заботы. И, ищут отдохновения в равнодушии или разгуле. Напрасное то блаженство! Достойно оно тех овец и коз, что вы пасете. Если же одним телесным жить – не по-человечески это будет, ведь Бог создал нас по образу своему и вдохнул в нас частицу духа своего…

Голос проповедника окреп и вознесся над головами собравшихся.

– Вот и задумаемся над тем, что в мир мы несем? Не слишком ли мы спокойно взираем на нечистоты вокруг нас?

Человек вещал, и люди внимали. С ними мало кто говорил о высоком, даже местный священник. У того были свои заботы – свадьбы, похороны, праздничные обряды… Пришелец же говорил, не боясь быть непонятым и не смущаясь того, как далеки его призывы от их жизни. Правда, звал он их к другой жизни, о которой разве что мечталось, да и то вечерами после надоевшего от работы дня.

Иуда выслушал проповедь вместе со всеми, вздохнул чему-то своему, пощупал сумку на боку, будто проверяя, не украли ли чего пока он слушал, и собрался было уходить, как селянин, принимавший их, остановил его.

– Разъясни мне, если ты его ученик, разве можно царство небесное на земле основать?

– Учитель наш считает, что можно.

– Неужели он верит, что волк может протянуть лапу овце в знак мира? Смешно даже.

– Вот он и толкует вам, глупым, – осерчал Иуда, – что все мы человеки, а волками или овцами уже сами делаемся.

Селянин задумался, а Иуда, потоптавшись рядом, со вздохом спросил:

– Может, ты укажешь богатый и приветливый дом, где можно попросить кусок хлеба в дальнюю дорогу?

– Пойдем, я тебе дам сыра…

Иуда торопливо кивнул и направился с хозяином обратно в дом.

3

Путники, сидя на белесых камнях, что в изобилии родила местная земля, привычно поджидая отставших.

– Можно идти, – весело прокричал Иуда еще издали, показывая на разбухший мешок на поясе.

– Подождем еще. Учителя позвали в дом.

– Еды дать? – обрадовался Иуда.

– Нет, кто-то у них болен.

– Может, после дадут, – с надеждой проговорил Иуда, усаживаясь рядом.

В это время бедно одетая, немолодая женщина привела проповедника в один из многих похожих друг на друга домов. Каменное строение с черным проемом двери и узкими окнамищелями, с убогой жадностью уцепившись за землю, униженно и просяще стояло перед ним. Женщина услужливо пропустила гостя вперед и он, шагнув внутрь, оказался в небольшой комнате с тяжелыми запахами испарений от нескольких коз за тонкой перегородкой. У стены, на топчане, лежал закутанный в одеяло юноша с бледным лицом. У изголовья и у ног его, прямо на земляном полу, сидело двое мужчин, один из них уронив голову на руки. Гость поздоровался и, внимательно оглядев обоих, подошел к согбенному человеку.

– Распрямись, отец. Велика твоя скорбь, но отчаяние лишь усугубляет его.

– Откуда ты знаешь, что я отец? – удивился человек.

– Просто горе его самое большое в этом доме.

– Да, – сказал отец, – моему сыну плохо и становится хуже, кажется, проклятье легло на него.

– Кара на них пала, – подал голос второй. – И я предупреждал их об этом…

– За что? – спросил человек со спокойствием в голосе.

– Гордыни много, не по летам и не по силам.

– Не всегда нам ведомо, что от чего происходит, потому не стоит судить поспешно, – возразил гость.

Женщина при последних словах, будто сбросив оцепенение, захлопотала. Закружилась по комнате, стараясь отыскать гостю место получше.

– Не беспокойся, мать, – остановил он ее, – мне и так удобно.

– Эх, судьбу обмануть вознамерились, – вновь заговорил второй. – Готовы любого уже позвать. Как бы хуже не сделалось. Говорю вам: кара это свыше за его своеволие и дерзость. А я предупреждал не раз…

– И в чем она, его дерзость? – спросил пришелец.

– От молодости ему кажется, что он способен на все. Спорит со мной, спорит с другими. Доспорился… А я предупреждал.

– Спор для молодости не порок, а свидетельство неравнодушия. Спорит, значит хочет дела! Так найдите ему достойное дело. И в болезни нет божьей кары! – властно произнес гость.

Он подошел к постели больного и, неожиданно улыбнувшись, спросил:

– А ведь тебе сейчас стало легче, не правда ли?

Их взгляды встретились: ласковые глаза пришельца и удивленные от происходящего глаза подростка. Бледное, продолговатое лицо больного смягчилось, губы дрогнули и сами нежданно распахнулись в улыбке:

– Да…

– Это напраслина, будто на тебе кара… Наверное, тебе нравится какая-нибудь девушка. Сколько ей лет? – спросил гость.

Юноша смутился, но сказал честно:

– Шестнадцать.

– Если от чего и можно заболеть в твои годы, так это от отчаяния при виде красоты. И еще от непонимания… Отринь отчаяние. Многое зависит от силы духа и твоего желания. Осиль предстоящий путь, каким бы тяжелым он тебе не представлялся… У нее, наверное, удивительные глаза?

Юноша покраснел и, покосившись на затаившую дыхание мать, с трудом выдавил из себя:

– Да…

– Твоя болезнь пройдет так же быстро, как и началась. То жар в крови испепеляет отроческое, мальчишечье, что в тебе осталось, и нарождается мужское. Если тебе суждено стать настоящей мужчиной, ты пересилишь свою слабость, свои боли и станешь таким же закаленным душой, как Давид. Я смотрю в твои глаза и вижу, что так и будет, и прославишь ты имя свое и заслужишь уважение земляков. Поэтому крепись перед посланным тебе испытанием. Не поддавайся искусу слабости.

Юноша заворожено слушал уверенную речь незнакомца, и страдальческое, безвольное выражение лица его таяло с каждым новым словом склонившегося над ним человека.

– Болезнь – плата за будущую сильную жизнь. Сумей встать вровень с твоим предначертанием, пересиль ее.

Обретшие силу пальцы подростка вцепились в край одеяла.

– Но… но в чем мое предначертанье?

Юноша жадно следил за лицом гостя. Тот еще ближе приблизился к нему и прошептал отчетливо и твердо:

– Запомни: многие ищут Бога в себе и скоро приходят в отчаяние. Тогда они ищут его вокруг себя и, не найдя, пугают этим других, чтобы успокоиться. Ищи Бога в себе! Ищи ответы на вопросы, тревожащие тебя, и сравнивай их с ответами других. И чем больше будешь учиться тому, что открыто в жизни и скрыто от ленивого душой, тем больше в тебе будет Бога. А затем наступит миг просветления, и ты поймешь свое предназначение. Только не уставай думать и прислушиваться к себе.

Пришелец распрямился и, взяв руку юноши, пожал ее.

– Болей на здоровье, – сказал он с улыбкой и отошел, сделав знак матери следовать за ним.

Выйдя из дома, проповедник сказал ей, чтобы она поила сына настоями из трав, и рассказал, как готовила их ему мать.

– Мне это помогало, – с улыбкой добавил он.

Простившись, человек пошел к своим товарищам, но его догнал тот, второй, что сидел у ложа.

– Эй, подожди. Я здешний староста и у меня к тебе есть предложение. Ты, как я погляжу, беден и не имеешь пристанища, так оставайся здесь, с нами, и не будешь нуждаться в хлебе насущном. Нам нужен лекарь.

– Не за того меня принимаете. Я души людские врачую, а не язвы телесные.

– Что-то не очень понятно… Ну да раз не хочешь, ничего не поделаешь. Счастливой дороги. Но думается мне, много ты на своем ремесле не заработаешь.

Человек пожал плечами:

– Это смотря какой мерой прибыток мерить.

– Тогда как знаешь.

И они разошлись, каждый в свою сторону.

При виде Учителя его сотоварищи немедля поднялись и вновь потянулись по пыльной дороге, уводящей их дальше, к горизонту. Так и шли от селения к селению эти скитальцы во главе со странным человеком, смущавшим людей своими речами. Чего они хотели? До чего мечтали достучаться? Что оставляли после себя? Ведомо ли это было им самим? Да и ведомо ли нам сейчас?

Отступление первое

А в это время в другом месте писалась история о другом человеке, замыслившем совершить невозможное. Роман назывался «Бег Александра». Он начинался с главы

Разбег

«Свершилось! 37 тысяч воинов на сотнях разновесельных судов – боевых кораблей, лодок, плотов – переправлялись через Геллиспонт – пролив, отделяющий Элладу от Азии, Восток от Запада, мир свободы от мира деспотии. Позади годы мечтаний и нетерпеливого горения сердца. Позади остались интриги двора, напористая дипломатия, вязнущая в мире крошечных полисов, жалобы и доносы союзников друг на друга, заискивающие взгляды побежденных… Все суетное отринуто одним движением пеших и конных масс воинов, все сущее (наконец-то!) подчинено одной цели.

Жизнь коротка для осуществления великой мечты, но боги смилостивились, сделав в двадцать лет, его, Александра, сына великого Филиппа, внука Аминты, потомка Ахилллеса, базилевсом Македонии и вождем Эллады!

Впрочем, всего лишь Македонии и Эллады…

Стоя на палубе триеры, Александр едва сдерживая возбуждение, жадно смотрел на переправу. Все шло на редкость удачно. Персы даже не пытались воспрепятствовать преодолению столь мощной преграды, а тихая погода будто поощряла ход весельных судов, снующих меж берегами. Первые таксисы пехоты уже вступили на землю Азии. Воины в блестевших на солнце шлемах, украшенных гривами конских волос, держа в руках круглые щиты с изображениями зверей, чей дух окрылял отряды, строились в колонны, чтобы железной змеей потянуться к горизонту, навстречу противнику и судьбе.

К царю шагнул Гефестион и протянул копье.

– Нанеси по Азии удар первым, базилевс!

Александр взял копье и мощным броском метнул его в небо. Описав большую дугу, оно вонзилось в берег под приветственные крики команды и воинов, сходивших по мосткам с других кораблей.

Сколько раз представала ему эта картина во сне и наяву. Он видел себя в конце пути героем, затмившим подвиги Ахиллеса и Одиссея. Но чтобы в его сердце возгорелась великая мечта, он должен был встретить человека, посланного ему богами для вразумления.

Александр отпраздновал тринадцатое лето своей жизни. Он проводил время в играх с друзьями и без устали упражнялся в верховой езде, фехтовании и стрельбе из лука. Однажды отец вызвал его к себе. В приемной зале, где главным украшением серо-красных каменных стен был позолоченный, резаный из цельной дубовой колоды трон, не было депутаций, не толпи-

лись придворные. И все-таки это был торжественный прием! Отец взял Александра за плечо, подвел к немолодому, но статному человеку в эллинской тунике, и сказал: «Это твой Учитель, Александр. Слушайся его, как слушаются отца и мать. Он сведущ во всех науках, и ты должен познать их, если хочешь стать великим правителем. Зовут Учителя – Аристотель».

Человек заглянул в глаза Александра.

– Не боишься учиться?

Уроки слуги-раба, рожденного в Халкидике, не прошли даром. Александр не только понял вопрос, заданный по-гречески, но и смог построить ответную фразу на чужом языке:

– Я ничего не боюсь, – ответил мальчик.

– Это хорошо, ибо порой даже самые храбрые воины боятся учения, потому что не в силах овладеть его премудростями. Для войны нужны мускулы, для наук – разум. Мускулы можно развить гимнастикой, разум – учением. Но это требует не меньшего упорства, чем физические упражнения.

Речь эллина не походила на обращения, которые Александр слышал от придворных. Голос его был спокоен, ровен, и говорил он с достоинством, как человек равный царям не по рождению, но по духу. Александр не мог еще осознать все это умом, но почувствовал сердцем.

– Если ты готов осилить путь усвоения знаний, дам тебе первое задание. Запомни: метод сопоставления двух разнокачественных вещей или обстоятельств, вроде того, что я тебе говорил об обучении воина и учении наукам, называется аналогией.

– Аналогией, – эхом откликнулся Александр, удивленный тем, что мимолетная беседа с учителем оказывается имеет отношение к наукам.

Так Аристотель вошел в его жизнь. По распоряжению отца, они были отправлены в маленькое селение Миэзе, подальше от веселого до разнузданности столичного двора. Филипп разрешил сыну взять с собою друзей по играм – Гефестиона, Кратера, Эригия, Гарпала, Неарха, Кена, Гегелоха, Бердикку, Птолемея, Клита, Филоту и Протея. Всего 12 мальчиков. С ними он должен был учиться и отдыхать.

Любимой игрой Александра была игра в войну. Он мог часами носиться со своими товарищами по холмам, потрясая деревянным мечом, яростно сражаясь, не боясь ни ссадин, ни ушибов. Однажды, несясь с ватагой своих «воинов», Александр увидел идущего навстречу учителя. Тот поднял руку, призывая к вниманию, и Александр с досадой был вынужден остановиться.

– В кого вы играете? – спросил учитель, подходя к ним.

– Ни в кого. Просто так, – ответил Александр, сдерживая раздражение. Он видел притаившегося «противника» в близлежащих кустах, но вместо его преследования приходилось отвечать на пустые вопросы.

– Уделите мне немного времени и я расскажу о том, как воевали герои в старину. Давайте объявим перемирие.

Александр неохотно кивнул. Эллин сел на массивный камень, а ребята вокруг него прямо на земле. Пришелец развернул свиток и стал читать: мерно, громко, уверенно, словно царь рассказывал своим приближенным о случившимся с ним событии:

Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
который ахенянам тысячи бедствий содеял:
многие души могучие славных героев низринул
в мрачный Аид…

Ритор уже ни на кого не обращал внимания, а, унесшись в высокий мир образов, вещал историю Трои.

Прошло немало времени, но Александр, завороженный приключениями героев, не высказывал признаков нетерпения. Глядя на него, тихо сидели и остальные. Когда эллин кончил чтение, Александр вскочил и стал рассматривать свиток с письменами.

– Что это? – спросил он.

– Здесь записаны отрывки поэмы о деяниях предков эллинов – «Илиада».

– Я хочу прочитать ее всю.

– Прекрасно. Но для этого нужно обучиться грамматике. Завтра и начнем.

– Нет, Учитель, давайте начнем сегодня, – твердо сказал Александр.

…Пока войска переправлялись через Геллеспонт, Александр приказал направить свой корабль вдоль побережья. Туда, где по преданию находилась Троя. Гребцы налегли на весла и судно, весело рассекая волны черным носом, покорно устремилось вперед.

К вечеру корабль подошел к нужному месту. Вдали возвышался холм с руинами города Приама, и крик восторга вырвался из сердца Александра. Вот здесь, в этой бухте качались на волнах прибоя корабли ахейцев. Там, на равнине располагался лагерь Агамемнона. А здесь, на берегу, лагерь Ахиллеса. Нить, протянутая через тысячелетие, будет продолжена им, Александром!

———

…Игры сменялись учением, учение играми. Подросток незаметно для себя превращался в юношу. Александр уже хорошо усвоил греческий, и с огромным удовольствием вновь и вновь читал Гомера. Затем настал черед других эллинских мудрецов – философов, поэтов, хронописцев. Однажды Учитель предложил Александру прочесть «Анабазис» историка Ксенофонта. В нем повествовалось о судьбе 10-тысячного отряда эллинов, принявшего участие в персидских междоусобицах. Тех воинов нанял Кир-младший, вознамерившийся отнять власть у своего брата царя Артаксеркса. В далекой Месопотамии, у стен Вавилона, войско Кира потерпело поражение. Претендент погиб, его сторонники разбежались, а греческий отряд был окружен. Враги были уверены в близком торжестве. Но отряд отбил все атаки. Артаксеркс предложил переговоры. Греческие командиры отправились в лагерь персидского царя и были там вероломно убиты. Но и тогда эллины не дрогнули. Каждый из них осознал простую вещь – смерть неминуема. Так лучше биться, чем дать себя зарезать подобно баранам, или прожить остаток жизни жалкими рабами. И они пошли на прорыв. Персы же берегли свои жизни и расступились. К чему биться до последнего вздоха, когда наемники все равно обречены в сердцевине чужой, враждебной страны? А отряд, прорвавшись, начал свой упрямый, беспримерный марш на север, к морю. Отбивая дневные и ночные нападения врага, с трудом добывая съестные припасы, они вышли к Трапезунду у Понта Евксинского и наняли там корабли для отплытия домой. Персам осталось лишь созерцать кормы уходящих судов и размышлять о возможностях силы воли.

С момента прочтения «Анабазиса» Александр играл с друзьями только в «военный поход эллинов». Ощетинившись копьями и мечами, отряд, состоящий из худенького и пылкого Гефестиона, коренастого и твердого, как стенобитное орудие, Бердикки, сильного не по годам Неарха, осмотрительного Птолемея, гибкого и быстрого Гегелоха, упрямого Кена, усердного Гарпала, напористого Кена, беспощадного Кратера, меткого лучника и насмешливого Эригия, никогда не унывающего Протея, во главе с не знающим усталости Александром, пробирался сквозь леса, поднимались в горы, переходили вброд быстрые речки, отражая нападения многочисленных, дико кричащих «персов», набранных из сыновей прислуги и местных жителей. Порой игра затягивалась на весь день, и отряд Александра преодолевал расстояния не меньшие, чем взрослые воины.

Учитель, погруженный в научные занятия, спокойно переносил отлучки ученика и вынужденные перерывы в учении. Но однажды он спросил возвратившегося из «похода» Александра:

– Ты играешь в войну с персами ради удовольствия?

Александр отстранился от услужливых рук прислуги, готовой отереть ему пот, и ответил твердо:

– Нет, я хотел бы пойти войной на персов!

– Зачем?

Взгляд Александра скользнул поверх гор и лесов туда, где далеко за морем лениво раскинулась чуждая эллинскому духу держава Ахеменидов.

– Если персы со своей армией сумели завоевать столько стран, тогда как отряд эллинов оказался сильнее их войска, то мы, собрав лучшие силы, могли бы завоевать самих персов!

Аристотель не мог скрыть удивления столь неожиданным словам ученика.

– Как? Ты хотел бы завоевать саму персидскую державу?

И Учитель рассмеялся.

– А почему бы и нет? – насупился юноша. – Это ожиревшее государство вряд ли способно оказать достойный отпор. А если поход закончится неудачей, можно просто вернуться назад. До нас им не добраться.

– Думаешь, одной македонской армии хватит для такого грандиозного предприятия? Ведь мало разбить противника. Нужны еще силы, чтобы удержать завоеванное!

– Эллины в свое время сильно пострадали от персов… Я помню, Учитель, твой рассказ о спартанцах на Фермопилах и о сожжении Афин. Разве полисы не согласились бы на общий поход, чтобы освободить эллинские города в Ионии и отомстить персам?

Аристотель пожал плечами.

– Трудно сказать, слишком разные у них интересы. Свобода хороша, чтобы иметь свой взгляд на вещи, но плоха, когда надо прийти к единому мнению. Все зависит от того, что они получат.

– Полмира – разве этого мало? – удивился Александр. – Полмира со всеми богатствами!

– Полисам нужно то, что они могут объять… Я пишу сочинение на эту тему. Закончу и ты можешь стать первым его читателем.

– Спасибо. Буду ждать с нетерпением.

…Нос корабля уткнулся в песчаную отмель. Не дожидаясь пока спустят мостки, Александр прыгнул прямо в море и первым вступил на азиатский берег. Следом, вспеняя воду, ринулась и его свита: здоровые, веселые, полные сил юноши с короткими мечами на бедрах. Филота… Гефестион… Пердикка… Птолемей… Неарх… Кратер… Гарпал… Клит… Гегелох… Кен… Протей… Эригий… Все двенадцать – весь «царский таксиль», в которых не признать было прежних подростков, игравших в войну.

Нетерпеливыми шагами, увлекая за собой остальных, Александр направился к буро-зеленому холму. Но у подножия в нерешительности становился. Размеры пыльного, обожженного солнцем холма, под которым покоился древний город, разочаровывали. Его глазам предстала возвышенность, коих много на свете. Александр обернулся к друзьям и пробормотал в растерянности:

– Я ожидал чего-то более грандиозного.

Он постоял еще некоторое время в задумчивости и произнес уже с большим вдохновением:

– И все же здесь сражался Ахиллес, мой предок!

– Если взятие этого города обессмертило имена победителей, какая же слава ждет того, кто сумеет покорить сотни таких городов? – осведомился Птолемей.

И юноши переглянулись, как бы примеряя на себя славу героев «Илиады». Ахиллесом может быть только Александр, Одиссей – это большой любитель моря Неарх, Патрокл – Гефестион, Аякс – Пердикка или Птолемей… А вот кто сможет стать Гомером их деяний – им пока было неведомо, хотя их войско сопровождал историк Каллисфен, племянник самого Аристотеля.

Александр легко вбежал на вершину холма и, раскинув руки, крикнул друзьям:

– Посмотрите на эту землю – она теперь наша!»

Повествование 2. Ученики

1

На ночь путники привычно остановились в поле. Развели костер, установили котел, принялись за свои нехитрые дела: чинили одежду и обувь, таскали к костру сухостой. Иуда и Шимон колдовали над варевом.

Скоро неотложные дела были сделаны, люди умиротворенно затихли вокруг тепла, задумавшись каждый о своем. Луна осторожно освещала степь желтым причудливым светом, и в этой первобытной тишине души наполнялись особыми, приходящими откуда-то извне, чувствами: тихой восторженностью и небесным покоем. Один из странников, молодой человек с по-девичьи крупными кудрями, обрамлявшими красивое тонкое лицо, поднял голову и молвил:

– Подумайте, а ведь сейчас, возможно, сам Господь на нас в надежде своей взирает!

Остальные тоже подняли глаза к безоблачному небу и мерцающим звездам, посмотрели, прошептали про себя слова молитвы и вновь вернулись к своим заботам.

Но чувство своей малости перед небом не проходило.

Учитель сидел вместе со всеми, но в глазах его не прыгали язычки от огня, и руки не потянулись к теплу. Сидел он прямо, сливаясь с мраком ночи, будто в одиночестве, выделяясь в кольце человеческих тел, как скала в кольце прибоя.

– Скажи, как долго осталось до конца нашего пути? – вновь нарушил тишину молодой человек.

– Нам то не ведомо. Мы только сеем, но вот когда взойдет?

– Иоанн как всегда нетерпелив, – сказал кто-то.

– Это свойство молодости, – ответил Учитель. – Но каждый волен задуматься, – а ради чего он пошел со мной? Чего он ждет от этого? Вот вы, Шимон и Нафанаил, зачем пошли со мной? Вы рыбаки, и удел ваш не твердь, а хлябь.

– Слово божье хочу нести, – немедленно отозвался крепкого телосложения мужчина средних лет.

– А ты? – спросил Учитель у Шимона.

Шимон закряхтел, отер своей широкой ладонью большой лоб с залысинами и, наконец, заговорил:

– Лукавить не буду. Странными и любопытными мне показались твои речи. А рыбацкое дело надоело хуже смерти. Семьи у меня нет. Все умерли от черной болезни. Вот и подумалось, а что если с ним пойти? Землю, людей увидеть. И, главное, посмотреть, как его Слово будет встречено. А к рыбацкому ремеслу всегда вернуться можно. Вот и пошел. Ну, а сейчас другое, – поспешно добавил он.

– Хорошо, что ты правдив, Шимон, – произнес Учитель.– Чтобы другим правду указывать, надо самому честным быть. А вы, Иаков и Иоанн, ради чего пошли со мной?

Иаков, крупный телом парень, стал неспешно обдумывать ответ, но младший брат, Иоанн, отбросив со лба непокорные кудри, не раздумывая, горячо проговорил:

– Я узрел на тебе печать Господню! И понял я, что если буду с тобою, то смогу тоже прикоснуться к высшему откровению и на меня снизойдет благодать!

– За кого же ты меня принимаешь? – спросил Учитель.

– За истинного толкователя Законов Бога! – пылко воскликнул Иоанн.

Иаков поддержал брата.

– Таких проповедников как ты очень мало. Думаем, ты – призван Богом.

– Ну, а ты, Иуда, чего ищешь?

Иуда перестал мешать варево, вынул ложку из котла, подумал немного и сказал:

– Истину. Или то, что мы называем божественным… Вот еще Хоам точно знает, ради чего он пошел…

– Да, знаю. Я ищу Правду! – твердо ответствовал Хоам, оглаживая свою тщательно подстриженную густую черную бороду.

Иуда удовлетворенно кивнул и вновь вернулся к своему котелку.

Помолчали, перебирая свои мысли и чувства.

– А вот и еда готова, – сообщил Иуда. – Подкрепим силы.

Отделили часть для равви, достали ложки, благословили пищу и принялись за еду.

Ели неторопливо, размеренно. Учитель по обыкновению ел мало и рассеянно. И опять веселый, задиристый огонь не мог увидеть свое отражение в его черных, бездонных глазах. Удивлялся тому Иуда и подумалось ему: это оттого, что они обращены внутрь… Но вдруг они потеплели, заискрились. Равви отложил ложку, развязал на поясе небольшой мешочек, и оттуда посыпались разноцветные камушки.

– Давно на них не смотрел, – сказал он. – Вроде обычные камни, а рассматривать их любопытно.

Его пальцы любовно разгребли кучку так, чтобы стал виден каждый камень в отдельности. Они были и вправду занятные: гладкие, округлые, расцвеченные цветными бегущими полосками.

– Странные какие! – удивлялись ученики.

Учитель улыбнулся.

– Морские, – сообщил он. – Их так стесали волны. А вот эти полоски – следы моря. Кажется, что может сделать мягкое с твердью? Но у воды есть терпение. И она точит и точит самое твердое на земле. И камень поддается. И точит ведь мягко, даже ласково… Вот нам знак и образец.

Он собрал камешки и, любуясь, пересыпал с ладони на ладонь.

– Давно был у моря, уже и забываться стало, а посмотришь на них – многое вспоминается.

И вновь спрятал их в свой мешочек.

– А какие там люди? – спросили его.

– Одеваются по-другому, живут другим ремеслом и молятся не так, а болеют теми же болезнями, что и здесь. Земли разные, да небо для всех едино.

Ученики закивали, соглашаясь.

Пока сотоварищи укладывались спать, Учитель встал и опять ушел в степь.

– Почти каждую ночь он куда-то уходит, – прошептал Шимон. – Но куда и зачем?

– Уверен, он ходит говорить с духом Моисея! – воскликнул Иоанн.

– Не иначе, – откликнулся Иуда. – Аминь.

И впрямь казалось ученикам, что где-то невдалеке шепчутся духи и молнии стремительно летящих ангелов прочерчивают небо. Но усталость брала свое, сонливость сковывала веки, и тело погружалось в расслабляющую хлябь. Они заснули. Лишь тень равви долго скользила в мертвенном лунном свете.

Он любил темноту за то, что в ней растворялись мелочи, за возможность сосредоточиться. Небесных светильников – звезд и луны – ему было достаточно, чтобы не заблудиться.

Шел неспешно, но уверенно, скрестив руки под просторными рукавами хитона, когда невдалеке, неожиданно, заметил силуэт собаки, задравшей верх морду и смотрящей на звезды. Они в ту ночь были особенно хороши, щедрой россыпью усеяв небосвод, мерцая притягательными светлячками. Собака сидела на задних лапах и неотрывно смотрела на них. Звезды завораживали, манили. В них таилась какая-то тайна, которая была неведома земле.

Человек приблизился к собаке. Та не шелохнулась, все так же не сводя своего взгляда со звезд. И тут он догадался… Равви сделал еще несколько шагов и убедился, что перед ним камень причудливой формы. «Животные не умеют смотреть на небо, как люди», – подумал он и сел рядом с камнем.

На земле царила ночь.

2

Еще солнце толком не выглянуло из-за кромки земли, когда учеников разбудило негромкое блеяние, – невдалеке брело стадо коз на пастбище. Пастух в теплой бурке из овчины подошел к становищу отдыхающих путников. Люди у костра зевали, потягиваясь, собирались к завтраку.

– Куда путь держите? – спросил пастух. – На торговцев вы не похожи.

– Значит, разбойники, – буркнул Иуда, но тут же смилостивился. – Садись, посиди с нами, может, что интересное расскажешь.

Пастух улыбнулся и, следуя приглашению, опустился у тлеющего костра.

– Не мерзнете? – поинтересовался он.

Иуда, уже деловито резавший сыр, и здесь за всех успел ответить:

– А мы греемся мыслью, что лучше холод ночи, чем жар геенны огненной. Мы ищем невидимое и познаем незнаемое, а это согревает.

– А, понял, – проповедники вы.

– Ну да, праздношатающиеся, ты правильно подумал.

Пастух вновь засмеялся.

– Догадлив ты…

На непринужденный разговор потянулись и все остальные, привычно рассаживаясь полукругом, вбирая в себя рассеивающееся тепло костра. Круг замкнул Учитель.

Пастух с любопытством поглядывал на них, спокойно перенося хмурые взгляды заспанных мужей.

– Не возражаете, если я немного посижу подле вас, посмотрю, может и спрошу чего-нибудь? – проговорил он.

– Мы никого не гоним, – ответил равви. – Посиди, раз тебе любопытны. Скоро и завтрак готов будет.

– Отчего тебе на нас посмотреть захотелось? – поинтересовался недовольно Иаков, отнюдь не обрадованный новому едоку.

– Как же, – отвечал пастух, – у нас народ вокруг наперечет, всем известный. И занят он исстари одним и тем же делом, а вот таких, вроде вас, я давно не встречал. Любопытно.

– А каких таких?

– Ну тех, кто ищет то, чего нет, или то, чего не видно.

– Что-то мы не поймем: о чем это ты? – с угрозой в голосе произнес Шимон.

– Да мы тут пошутили с товарищем вашим, – стал оправдываться пастух.

– Иуда, опять ты людей смущаешь? – пророкотал Шимон.

– Перестаньте, – прервал их Учитель. – Человек сказал то, что думал, и хорошо. Мы идем не за тем, за чем следуют обычно люди, пустившиеся в путь. Мы не торговцы, не воины, не мытари. Мы ищем то, чем живет дух человеческий.

– А стоит ли из-за этого время терять?

– Мы же люди. И звери ищут пропитание себе, и создают семьи, и заботятся о детях своих. Но нам дан разум и дана способность речи. Только человек может пахать землю и строить храмы. Только он один способен, отрываясь от телесного, обращаться мыслью к бесплотному. В этом весь человек.

– Я в молодости думал об этом, – признался пастух. – Что я могу иметь свое? Я должен любить Храм и ненавидеть римлян. Молиться словами, мною не созданными, желать то, что мне не понятно, и отрицать то, в чем не сведущ. Не я выбираю, мне подбирают.

Учитель промолчал, ученики же разом заговорили, зашептались.

– А как иначе! – вскричал Нафанаил. – Если б каждый выбирал сам, что осталось бы от заветов наших предков? Кому-то понравились бы римские обычаи, другому греческая ересь, третий женился бы на самаритянке, и так капля за каплей от народа и духа нашего ничего бы не осталось!

– А ты как считаешь, равви? – спросили ученики.

– И я думаю о том же: что лучше? Отгородиться от чужого, чтобы сохранить свое, сокровенное, либо растворить это сокровенное в других народах? Или, может быть, низвергнуть все окружающее и, создав мир, очищенный от скверны, заменить им все остальное?..

– И как же ты решил?

– Но где взять силы, чтобы, создав новое, сказать: это и есть лучшее? Разве ты сможешь быть уверен в том, что не родятся новые люди, которые скажут: «А мне то и то – не нравится!» Что тогда делать?

– Почему ради них должны беспокоиться те, кто и впрямь создадут сверхлучшее? Пусть будут благодарны и приемлют, – отвечал Маттаф.

– И скажут они тогда, – тут Учитель улыбнулся пастуху, – «что я могу иметь свое?» А ведь хочется сделать свободной душу всякого, и как ужасно сознавать, что и ты можешь, пусть ненароком, наступить в слепой уверенности на чувства и мечтания тебе подобного, хоть и несогласного с чем-то человека, причинив ему ненароком зло.

Ученики предпочли промолчать, вбирая в себя слова Учителя.

А солнце уже приподнялось над краем земли, распуская свои лучи над вверенным ему царством, костер за ненадобностью затухал, мужи неспешно потянулись умываться к ручью. У костра остались лежать лишь пастух да Иуда. Дымок, ластясь, тянулся к Иуде, и он его не гнал, не отмахивался, а, прикрыв глаза, дремотно купался в его пахучей теплоте. Пастух посматривал на него, и неутоленное любопытство толкало к новым расспросам.

– Скажи, а как вы оказались вместе? Есть у вас дома, семьи?

Иуда лениво открыл глаза и усмехнулся уголками губ.

– Порядочные люди скитаться не будут… Ты так думаешь и, возможно, ты прав.

Пастух хмыкнул и потупился.

– Не скрою, ты умеешь читать мои мысли. То, что я думаю, тебя не обижает?

– Меня – нет. Вот их – да!

Иуда махнул в сторону удалившихся товарищей.

– А его?

Пастух глазами показал на равви.

– Его? Нет, – подумав, ответил Иуда. – Он пошел в дорогу не от обиды…

– Не от обиды? Ты хочешь сказать, что остальные обижены?

Иуда кивнул.

– Кем?

– Жизнью, конечно, иначе они обратились бы к судье. Но судьбу к ответу не притянешь.

– Как же они обижены судьбою?

Иуда в истоме лениво потянулся.

– Как, как… Кто как. Тебе нравится быть пастухом?

– В общем-то, да.

– А им не нравились их занятия. Каждый считает, что мог быть чем-то большим, чем есть. Ручей мечтает быть рекой, а река морем. Один пошел в мытари и мечтал разбогатеть. Но оказался глупым и непроворным для этой должности и богател не деньгами, а презрением. Другой учительствовал и никак не мог уразуметь – отчего в ученых книгах пишется одно, а в жизни происходит другое. Третий много работал и мало зарабатывал. И чем больше он работал, тем меньше ему доставалось. Его это удивляло безмерно: он оставался бедным, а соседи богатели. По простоте душевной не мог понять простой истины, что больше всех работает мул и это самое несчастное животное, а меньше всех лев – и он царь зверей. Хотя ладно, этого и тебе не понять… Есть такие, кто во сне видят себя у трона, заплетая нити чужих судеб. Иные мечтают о тихой, безбедной жизни и уважаемой старости под боком у могучего хозяина… Кого что погнало в дорогу.

– А тебя? – спросил пастух.

– Меня? О, меня – великое любопытство! Я хочу заглянуть в глаза человечеству, открыть тайники его души, заглянуть в бездонные эти колодцы и крикнуть: ау! – Иуда засмеялся. – И хочу послушать эхо. Но этого тебе тоже не понять.

– А он? – опять указал на равви пастух.

Иуда деланно зевнул и вновь закрыл глаза.

– О нем не будем…

Пастух долго сидел, обдумывая слова собеседника, а потом произнес со вздохом:

– То ли со зла ты все это говорил, то ли правда в сказанном есть, мне не разобрать. Хорошо, что я пастух, и у меня ясная и простая жизнь. Вы ходите в поисках вселенской правды, но удастся ли вам найти правду меж собой? Лучше я пойду к своему стаду.

– Каждому свой круг и своя мера, – ответил Иуда, не открывая глаз.

– Может быть, и так. Да и, наверное, так. Прощай.

– Прощай, человек.

Пастух встал, поклонился, и пошел своей дорогой.

3

Первым с утреннего умывания вернулся Хоам. Он опустился на колени и стал молиться. Иуда открыл глаза на звук глухо бубнящего голоса, скользнул взглядом по согбенной спине и спросил, подавляя зевоту:

– Кому ты так страстно молишься, Хоам?

– Богу! – не оборачиваясь и не удивляясь вопросу, ответил Хоам.

– Непохоже, чтобы он слышал тебя.

– Ты богохульствуешь, Иуда!

– Нет, я размышляю.

– О чем?

Хоам даже прервал молитву не в силах преодолеть любопытства. Иуда знал о его слабости, потому и начал свой разговор:

– Мне думается, что Бог предпочитает слушать тех, кто ему нравится.

– Ты не прав, Иуда. Бог милостив ко всем ищущим Его.

– Ищут все, но находят немногие. Ты с этим согласен?

– Да, согласен. Но не находят оттого, что сами виноваты.

– В чем?

– В том, что греховны.

– А что надо сделать, чтобы не быть греховным?

Хоам задумался. Он с удивлением обнаружил, что на этот простой вопрос он затрудняется ответить.

– Может, поститься? – подсказал Иуда.

«Нет, все постятся», – смекнул Хоам.

– Или соблюдать правила Закона? – продолжал Иуда.

«Нет, это многие смогут», – решил Хоам.

– Так как же?

Хоам вздохнул.

– Нужно быть честным пред самим собой, как перед Господом, – сказал он.

– Это как? – заинтересовался Иуда.

Хоам вновь оказался в затруднении.

– Да чего ты от меня хочешь? Вот привязался! – наконец не выдержал он. – Для того мы и присоединились к Учителю, чтобы найти истину.

– Это так, конечно, но я хочу узнать: раз сейчас ты обращаешься к Богу, значит, считаешь себя честным пред собой, как перед Богом? Считаешь, что достоин того, чтобы Бог внял тебе?

Хоам испугался. Утверждать, что достоин Бога, он никак не решился бы.

– Отстань от меня, Иуда, – вскричал Хоам. – Путаешь своими вопросами. Из белого дня делаешь черную ночь. Один звон от разговоров с тобой. Вот идет Мацхи, спрошу его.

Но Мацхи, выслушав от Хоама вопрос Иуды, переслал его Маттафу. Маттаф – Левию. Тот Шимону. Шимон пожал плечами и спросил мнение Малхая. Малхай покачал головой и стал расспрашивать Иакова. Иаков сразу сослался на брата, Иоанна. Иоанн обвел всех сумрачным взглядом и сказал:

– Иуда искушает и смеется над вами.

Все смутились и потупились, лишь Иуда, прикрыв глаза, лежал так, будто осуждение относилось не к нему.

– Что возразишь на этот упрек?

– Только то, что вы не можете ответить на простой вопрос, – отвечал спокойно Иуда.

Еще более разобиженные ученики мигом зашумели, заспорили, а Иоанн даже сжал кулаки.

– Ну и какой же на него ответ?

– А никакого ответа нет. Загадка без разгадки. На том и стоит человечество. Ответ знает только Бог. А удел человеков – ходить во тьме.

– Как так?

– А так. Никому и никогда не дано будет знать, угодна ли его молитва и деяния Богу, истинна его цель или ложна.

– Так мы, по-твоему, в потемках блуждаем? – угрожающе спросил Иоанн.

– Мы – исключение, – поспешно ответил Иуда, почувствовав, что зашел чересчур далеко.

– Почему только мы?

– Потому что наш равви знает Правду, – не очень искренне поспешил разъяснить Иуда, проворно вставая. – Однако пора собираться. Солнце встало, и Учитель идет.

Иуда моментально погрузился в хлопоты, всем своим видом показывая, что разговор окончен. Но ученики не замедлили рассказать обо всем Учителю. Тот нехотя направился к суетливо работавшему Иуде. Подойдя к нему, негромко спросил:

– Чего ты ищешь в этой жизни? Зачем смущаешь своих товарищей?

Иуда сразу выпрямился, но лишь затем, чтобы посмотреть на свету, дочиста ли выскоблен котел.

– Разве я, такой ничтожный, смогу смутить чью-либо душу? – пробормотал он, как бы разговаривая сам с собой. – А чего ищу? Хотел бы найти закон жизни. То, чем все движется, что является сутью человека.

– А зачем? – спросил равви без всякого удивления, бесстрастно.

– Тогда пойму: зачем живу и что мне делать дальше.

Учитель молчал довольно долго. Иуда терпеливо ждал, не уставая зачищать и без того блестевший котел. Наконец равви подал знак трогаться в путь. Но уходя, сказал:

– Было бы похвально, если эти знания ты рассчитываешь использовать не только для себя, но и для других.

Иуда ничего не ответил.

Повествование 3. Искушение

1

Галилея маленькая страна и новости распространялись быстро. Кому-то новый проповедник нравился, кому-то нет. Нравилось тем, кто любил новизну, не нравилось – кто предпочитал устоявшийся порядок. В общем, все как всегда. Но местный народ не относился к числу равнодушных, хотелось ясности. Говорить – это одно, а делать – совсем другое, считали почитатели устоявшегося порядка. Надо испытать, – предлагали заинтересовавшиеся проповедником, и вторые согласились. Тем более что вскоре такая возможность представилась…

Однажды странники пришли в селение, которое жители гордо именовали городом. Пусть так. Учителю все равно, где было выступить с проповедью. И когда уже собрались в путь серые, пыльные, тихие улицы вдруг взорвались. Люди кричали и размахивали руками. Ученики увидели, что толпа направляется к ним.

– Неужто фарисеи натравили их на нас? – спросил кто-то. И все испугались этих слов, тем более, что Учитель отошел, оставив их одних перед волками.

– Может, нам лучше убежать? – послышалось меж учениками.

– Нужно позвать Учителя, – отозвался Иоанн. – Пусть только тронут, он их всех поразит молнией!

Подошел Учитель, задержавшийся в беседе с прохожим. Ученики мигом обступили его.

– Идут! – выкрикнул Иаков, указывая пальцем на приближающейся жужжащий рой.

– Пусть идут, – спокойно ответил Учитель. – Мы сами по себе, и, если пути наши пересекутся, мы уступим им дорогу.

Сказав это, он первый шагнул навстречу толпе. За ним его ученики.

Когда они сблизились, то странники увидели, что толпа тащит за руки растрепанную, упирающуюся девушку. Впереди шествовал седобородый человек, по одеянию похожий на слугу Храма. Он выкрикнул:

– Люди! Отдадим эту падшую на суд проповеднику! Пусть он вынесет приговор! А мы послушаем его. Красноречивый в словах должен быть красноречивым в делах своих!

– Воистину так! – прошептал Учитель.

Толпа остановилась. В руках дюжих мужчин сорванным стебельком повисла девушка.

– В чем ее проступок? За что вы ее терзаете?

– За прелюбодеяния многочисленные. Блудница она, – отозвался один. – А хотим ее побить камнями, как в Законе сказано. Правильно ли мы делаем, пророк?

– Неправда! – крикнула девушка, рванувшись. – Я не блудница!

И поразились не остывшие сердцем красоте ее: бледное лицо в обрамлении иссиня-черных волос, с огромными распахнутыми глазами было создано для… греха? любви? Было от чего смутиться и понять правду тех, кто крутил ей руки.

– Вы хотите, чтобы я выступил судьей? И вы готовы принять мое решение?

– Да!

– Хорошо, я принимаю вашу просьбу, как большую честь для меня. Так, в чем же ее прегрешение?

– Она ублажала эллина, – крикнули из толпы.

– Закон этого не запрещает.

– И не только эллина, но и местных…

– Где же мужья среди вас? – спросил пришелец. – По Закону на суд блудницу должен сопровождать муж или родственники ее.

– У нее нет мужа, – ответили ему.

– Так, может быть, вы братья ее?

В ответ – молчание.

– Кто из вас родственник ее?

– Она сирота, и за нее в ответе люди.

– Так вы из сострадания к ней хотите убить ее?

Люди, окружавшие девушку, растерянно переглянулись.

Учитель бесстрастно продолжил допрос.

– Если она прелюбодействовала, то кто-то ее добивался. Кто покушался на нее? Пусть она назовет имена их.

– Ты что, хочешь затеять раздоры в семьях? – выкрикнул седобородый человек.

– Мы сейчас стоим перед очами Господа, – загремел вдруг пришелец. – Поступите с ней так же, как хотели бы, чтобы поступили с вами на небесном суде. Кто без греха, пусть первый бросит в нее камень и скажет: я чист перед Господом!

Толпа колыхнулась и отступила.

– Любовь не преступление и отсутствие ее – тоже, – молвил пришелец. – Можно ли винить за нерасчетливость молодости? Пусть Господь наш будет ей судья, а ваше осуждение – предупреждением.

Он подошел к девушке и взял за руку. Под его взглядом стражи послушно отступили, и пришелец вывел ее из толпы.

– Ты свободна, – сказал он.

Девушка вскинула на него глаза и горячо прошептала:

– Возьмите меня с собой. Возьмите! Меня снова здесь схватят. Уведите хотя бы отсюда.

– Пойдем, – просто сказал спаситель.

Так и пошли гуськом – странный пришелец с девушкой и следом его сотоварищи.

Кто-то закричал:

– Смотрите, люди, этот бродяга увел блудницу, чтоб прелюбодействовать с ней!

Но было поздно. Гнев толпы утих. Волна разбилась о мол. Одна сила почувствовала другую, еще большую и законно смирилась.

А странники продолжали путь меж зеленеющих холмов, под синим безоблачным небом, но с еще большим воодушевлением и верой шагали теперь люди, связавшие свою судьбу с проповедником. Победы, как известно, окрыляют.

Когда они сделали короткий привал, сев прямо на землю в тени дерева, дожидаясь, пока прохлада снимет усталость, девушка спросила предводителя, куда они идут.

– Мы идем в Город, но не самой прямой дорогой.

– Позвольте пойти с вами. В столице я вас покину.

– Как звать тебя?

– Мариам.

– Откуда ты родом?

– Из здешних мест.

– Хорошо, оставайся. Все здесь для тебя будут братьями, а ты нам – сестрой.

И заметил Учитель, как нахмурились некоторые его ученики.

– Женщина в таком деле – к несчастью, – негромко, будто про себя, высказался Шимон.

– А хозяйство ей все равно доверить нельзя, – поддержал Иуда.

Заступился Иоанн:

– Сказано ведь – сестра! Разве можно тогда говорить о человеке – нужен он или не нужен?

Больше возражать никто не стал. Так Мариам присоединилась к странникам.

2

Мариам старалась прилепиться к ним тихо и незаметно. На отдыхе или в дороге держалась ото всех невдалеке, но охотно бросалась выполнять поручения вечно сдержанных, самоуглубленных мужей. Они подчеркнуто не обращали на нее внимания, чтобы не смешивать земное с небесным. Только спросил у нее кто-то:

– Как же так, сестрица, у тебя вышло, что оказалась без дома, хозяйства и мужа?

Что могла ответить Мариам, не рассказывать же всю свою жизнь… Но однажды не сдержалась. Слушая высоко парящие разговоры мужчин, спросила их:

– Я знала семью, где произошло следующее. Из-за неурожайного года случился голод, каких давно не было. Все ослабели до последней степени, а некоторые готовились умереть. А в это время невдалеке остановился на постой отряд солдат. И кто-то сказал: можно отдать дочь туда, а взамен получить еду на всех и на всю зиму. Отец и мать стали думать, как поступить, и не знали, что делать… А как поступили бы вы?

– А что тут думать? Нельзя идти на такой грех, – тут же ответил Иаков.

– Значит, умерла бы вся семья.

– Отдать дочь на поруганье больший грех, – подтвердил кто-то, а потом в задумчивости добавил. – Хотя… уморить голодом детей своих тоже не выход.

– Получается, надо жертвовать малым ради большого? – предположил Иуда.

– Упаси меня Бог от такого выбора! – откликнулся Шимон.

– А какой веры были воины? – спросил Иоанн.

– То были новобранцы из Сирии.

– Я бы не отдал… Лучше смерть.

Больше никто не стал высказываться. Все молчали, и ждали…

– Для того мы и вышли в путь, чтобы люди, независимо от веры и места рождения, помогали друг другу, – сказал Учитель.

А позже спросил Мариам: так как же поступили в том семействе?

– Все мои братья и сестры выжили, и я, как видите, равви, тоже… Только им пришлось отказаться от меня.

Учитель постоял и пошел прочь.

И еще запомнилось Мариам. Встретились им слуги, ушедшие от жестокого хозяина. Учитель обратился к ним со словом успокоения.

– Оставь нас со своими проповедями, – вдруг закричал один из них, мужчина с давно не стриженной и нечесанной бородой. – Надоело! Что вам до нас? Да и до вас нам нет дела! Пропустите!

Остальные – три женщины, двое молодых мужчин и подросток – хоть и молчали, но глядели недобро.

– Что ты на нас набросился? – вскипел немедля Шимон. – Тебе доброе слово сказали, а ты бросаешься как сторожевая собака!

Начавшуюся перебранку прервал Иуда.

– Устремление духа – это хорошо, – молвил он. – но они голодные. Лучше бы их накормить.

Учитель помолчал, потом протянул к Иуде руку и сказал требовательно:

– Дай хлеб наш.

Иуда неохотно вынул краюху хлеба из своей сумы и протянул равви. Учитель взял хлеб, шагнул к людям на дороге и, ломая его, раздал. Семь человек поклонились ему, тут же съели хлеб и пошли дальше. А ученики вслед за Учителем своим путем. Каравай был большим, увесистым и хорошо пропеченным. Мариам видела, как огорченно вздыхал Иуда, шагая сзади. Наверное, думал: «И сподобила же меня нечистая сила высказаться!»

Не знала, что и думать о таких…

Равви же украдкой следил за этой необычной, естественной в каждом своем движении девушкой, которая приблудной собачонкой следовала за показавшейся ей доброй компанией. Он видел, как нужны ей, потерянной в огромном мире, слова участия. Такие слова у него были и просились наружу, но каждый раз что-то смущало. Он отводил взгляд, встретившись с лучистыми, вопрошающими глазами, старался не замечать смуглых рук и хрупких плеч, не задумываться о гордом повороте головы и несмелой улыбке. И это смятение усиливалось оттого, что стал примечать явное желание девушки сблизиться с человеком, спасшим ее от гибели. Но он догадывался, что благодарность может обернуться чем-то куда более значительным и глубоким, и это может изменить многое…

«Разве я должен избегать этого? Чего я боюсь?» – вопрошал он себя.

Сначала это были мимолетние, быстро угасавшие сомнения, но скоро они стали занимать его все больше. Привыкший доводить мысль до конца, он и тут старался уяснить себе суть вставшей перед ним преграды.

Почему он, выступающий за открытые и честные отношения, вдруг стал лукавить перед собой, не осмеливаясь проявить к девушке ту полноту чувств, которая у него есть на самом деле? Чего и кого он боится? Неужели тех, кто поверил его словам и последовал за ним?

И он вынужден был дать себе утвердительный ответ. Но почему он уже не мог делать того, что мог позволить себе каждый? Ведь ничего нечистого в его помыслах не было. Однако он чувствовал, – ему нельзя уже делать того, что позволительно другим. Некая сила вознесла его над другими. Они слушают и верят ему, и в послушании их кроется великая власть над ним. И ничто уже, ничто, ни тени сомнения в искренности не должно падать на ту силу власти, которую они вверили ему.

«Уж не должен ли я быть святее Бога»? – вопрошал он себя. Но насмешливый вопрос никак не хотел обращаться в шутку, а засел в мозгу ранящей занозой. «Неужели теперь я должен делать и то, что необязательно делать?» – тоскливо подумалось ему.

В одну из ночных прогулок он убедился в другой стороне истины: то, чего не нельзя ему, позволено другому.

3

В душу Иоанна Мариам запала с первой встречи. Но тогда красота ее виделась ему отстраненно, как прохожему, который, мельком увидев нечто притягательное, отметил это про себя и заспешил дальше мимо того, что не могло ему принадлежать. Учитель спас Мариам и ввел в круг своих последователей. Теперь она перестала быть посторонней, и Иоанн смотрел на нее совсем иначе.

Девушку поначалу смущало внимание Иоанна, но чем больше она свыкалась с новой обстановкой, чем больше уходила сковывающая зажатость и блекли черные, давящие воспоминания, тем сильнее просыпалась в ней женщина, желающая нравиться. Она уже без опаски посматривала на красивого юношу, и сердце начинало биться учащеннее. А еще ее привлекал другой мужчина. В ней жило сильное чувство благодарности к своему спасителю, удивление перед ним, перед тайной его всепокоряющих слов, и страшила мысль оказаться неблагодарной.

Но что она могла? Она могла позаботиться о людях, которые приняли ее, но они обходились без ее участия. И учитель их тоже был сам по себе.

Человек, особенно молодой, не может жить в бесконечном одиночестве. Эту невидимую черту каждый разрывает по-своему. Мариам сделала это просто и естественно. Среди вечно занятых, насупленных и озабоченных людей Иоанн был единственным, чьи глаза смотрели с такой ясной и желанной доброжелательностью, что девушка пошла на их призыв. Как человек, окруженный глухой стеной, она бросилась туда, где грезился выход и исходило тепло.

Мариам не удивилась, когда в один из вечеров, собирая хворост для костра, она увидела следовавшего за ней Иоанна. Распрямившись, девушка покорно ждала, пока он подойдет и несмело возьмет ее за руку…

Другой человек увидел сквозь сумерки две тени, бредущие по полю, остановился и, повернувшись, пошел прочь.

Отступление второе

«Учитель и ученик прохаживались по лужайке перед домом Аристотеля, беспечно приминая траву сандалиями. Ни голубое небо, ни щебет птиц в раскидистых верхушках, ни крики занятых делами слуг не могли отвлечь их от предмета беседы. Учитель и ученик впервые спорили друг с другом.

– …Ведь только объединившимся эллинам удалось справиться с двумя великими походами персов, – доказывал Александр. – Им даже удалось отвоевать Ионию, пока вновь не вспыхнули распри. Значит, Элладе нужна верховная власть, объединяющая ее, делающая невозможным войны меж собой. И прав мой отец, утверждая, что раз этого не могут сделать сами эллины, им нужна помощь со стороны.

– Разобщенность полисов только с виду ослабляет Элладу. Ведь эллины сумели объединиться в час опасности и победить персов! – возражал Аристотель. – Победило превосходство над варварами в культуре и государственном устройстве, которое складывалось в свободном соперничестве многих умов – Солона, Ликурга, Перикла, а также художников, драматургов, философов… Наша сила – в разнообразии! Каждый полис невелик размерами, но все граждане сплочены, преданы ему и думают о его процветании, не забывая при этом, что они эллины. А в чем слабость персов? Их держава обширна, но население там безродно. У них не осталось родины. Они живут везде, где можно получать доходы и жить беззаботно. Царь всемогущ, но ему не на кого опереться, ведь любое из покоренных племен – будущий предатель. Чтобы держать в узде завоеванные пространства персам приходится глушить в этих народах все живое в зародыше. Их государственные мужи «умирают» едва вступив в должность. Умирают как творцы, как созидатели. Персидская система зиждется на тирании, а это противно природе человека. А греки вышли на бой защищать свою свободу, имея ум Афин, силу Спарты, сердце олимпийских святынь. И победили более многочисленного врага! Но если нас объединить ради завоеваний, то страна уподобится Персиде, и это будет концом Эллады.

– Я сейчас не готов ответить вам, Учитель, – помолчав, сказал, Александр. – Я буду думать о сказанном вами.

———

Высаживаясь с кораблей, отряды готовились к немедленному бою. Но персы не появились, и воины смогли спокойно разбить лагерь. Наступил вечер, тысячи костров вспыхнули на холмистых просторах азиатского берега, праздничными огоньками украсив древнюю землю. Обычно величие военного зверя возбуждало и пьянило Александра больше вина. В этот вечер им владело иное настроение. Он вспомнил сделанное. Ради этого вечера пришлось пролить

немало крови. В восемнадцать лет у города Херонея под началом отца он участвовал в битве с греками. Тяжелая конница, которой командовал Александр, смяла ряды противника. На обломках былого величия полисов возник союз, объединивший Македонию и Элладу. Многие города отказались от свободы добровольно, понимая, что жить в постоянных усобицах нельзя. Это был первый ответ Учителю. Но торжество оказалось недолговечным. После смерти отца Александр отправился в первый самостоятельный поход. На север, где жили варварские племена, тревожившие Македонию набегами. Ему нужен был спокойный тыл, и он его добился, разгромив их. В это время и восстали Фивы, – самый сильный полис после Афин, глава некогда влиятельного Беотийского союза. Нельзя было позволить мятежникам склонить к выступлению других, и Александр заставил войско совершить 13-дневный марш, вместо положенного месяца. Он появился у стен самоуверенного города подобно карающему мечу Немезиды, успешным штурмом завершив дело.

Вопрос о судьбе города нарушившего клятву верности панэллинского союза Александр передал в союзный совет. Не мести жаждал он, а верности перед началом будущих испытаний. Греки должны судить и наказать греков. Совет полисов вынес приговор, и он ужаснул Александра. Совет решил: город должен быть разрушен до основания, а население продано в рабство. Греки не уступили в жестокосердии персам!

– Я не могу утвердить такой приговор! – воскликнул Александр, выслушав посланцев. И ответить так у него была особая причина.

…Когда пролетело три года ученичества, отец послал за Александром. Пришло время приобщиться к государственным делам. Аристотель привычно прогуливался под сенью буков. Александр шел рядом, скосив глаза на Учителя, внимательно слушая его, постоянно готовый к спору. К спору, но не оспариванию мудрости.

– Представь, что Македония и Греция разбили персов и воцарились на просторах Азии. Кем и чем станете вы среди всех этих бесчисленных народов? И сколько будет нас – греков и вас – македонян? Горсть соли в озере… Чтобы не раствориться, вы должны будете противопоставить себя автохтонам, занять место персов. И все повторится сначала. Наверху тираны, внизу сплошные рабы. А между ними – ненависть. Нет, лучше не углубляться в азиатские просторы, и, отвоевав то, что принадлежит нам по праву, остановиться и тем сохранить себя.

– А если идти к ним не только с мечом, но и неся наши знания и справедливые законы, то грекам и македонянам незачем будет обособляться от местных народов железом, – возражал Александр с жаром. – Мой дед привил народу Македонии традиции греков, за это его даже прозвали «Эллином». Египтяне и вавилоняне тоже познали многое из мудрости, разлитой в мире, поэтому не унизительно нам будет протянуть им руку.

– Ты видишь в варварах равных нам? – удивился Учитель. – Впрочем, я готов принять такой подход, ведь даже греки когда-то находились на уровне варваров и первые знания мы переняли у египтян и финикийцев. А потом уже расселились за пределы Фессалии и Аттики, чтобы предстать на Сицилии и Азии эллинами. Но в таком случае грекам придется расстаться со свободой полисов. А значит, они перестанут быть теми, кем были до сих пор.

– Всеобщее благоденствие от объединения народов перекроет неудобства от уменьшения полисных свобод. У нас в Македонии племена и кланы, объединившись, покончили с междоусобной враждой, и хотя они потеряли некоторые права, народ Македонии приобрел могущества больше, чем когда-либо могли мечтать македоняне, действуя разрозненно.

Александр вытянул перед собой руку и растопырил пальцы.

– Учитель, смотри. Каждый палец хорош по своему, но силу они представляют только вместе.

И Александр сжал пальцы в кулак.

– Хорошее сравнение, Александр, – одобрил Аристотель. – Сравнения и метафоры – душа спора. Ну что ж, ты выбрал свой путь и, с точки зрения логики, он не безрассуден, а

потому я умолкаю. Лишь одного желаю тебе в намеченном трудном пути – это пролить как можно меньше крови. Доблесть оценивается не по убитым, не по вдовам и сиротам, а по подвигам, которые не по силам обычным смертным воинам. Вспомни Геракла…

– Клянусь, Учитель, что буду известен подвигами, а не разбоем!

Этот разговор и вспомнил Александр, когда пришлось решать судьбу города.

– Я не могу утвердить такой приговор! – воскликнул Александр, узнав о решении союзного совета.

Делегаты с недоумением переглянулись. Они думали, что обрадуют завоевателя из полуварварской страны. Три эллина стояли перед повелителем Эллады недалеко от полуразрушенных стен поверженного, но еще не добитого города, и не могли понять сомнений молодого базилевса. В союзном совете считали, что угадали тайные желания македонца.

– К чему такая жестокость? – продолжил Александр. – Они виноваты и уже понесли наказание!

В поисках поддержки он обернулся к своим соратникам.

– Разве я не прав?

Командиры опустили глаза.

– Я жду ответа, – настаивал Александр.

И тогда вперед вышел Парменион – старый полководец его отца.

– Фиванцы дали клятву верности союзу и незамедлительно нарушили ее, как только наше войско ушло в поход. Этим они подали пример вероломства остальным. Ты же знаешь, что Демосфен в Афинах подбивал свой народ выступить вместе с Фивами. На этот раз все обошлось. Но представим себе, что когда мы уйдем в Азию, у нас в тылу вновь поднимется смута! Придется возвращаться с полпути и терять завоеванное. Разве это не жестоко по отношению к войску? Примерно наказав Фивы, ты решишь вопрос тыла раз и навсегда. Мягкость здесь можно уподобить членовредительству.

И Парменион шагнул назад в ряды командиров.

Александр долго обдумывал сказанное. Потом спросил:

– Кто еще за решение союзного совета?

– Я! – сказал Филота.

– Я! – сказал Кен.

– Я! – сказал Гарпал…

Все друзья высказались как один.

– Так будет лучше, – закончил Птолемей.

Это не было вызовом ему. Они, дети знати, всегда имели право на свое мнение. И Александр привык разговаривать с ними на равных, утверждая свое верховенство так же, как это делали его отец и дед, – личной храбростью и умом.

– Что ж, – молвил Александр тихо, – раз вы все едины…

На следующий день белокаменный гордый город погрузился в черно-серые клубы дыма, и тысячи рабов из бывших горожан принялись методично рушить крепостные стены…

…День на священной земле Трои заканчивался. Давно угасли последние отблески солнца и звезды высыпали на небе. На вершинах холмов черными статуями замерли дозорные. Александр уснул, дав себе слово, что построит десять таких городов, как Фивы».

Повествование 4. Город Храма

1

Чем ближе они подступали к Городу, тем чаще встречались селения, гуще становилось движение на дорогах, быстрее передавалась молва, люди начинали ждать проповедника и сами выходили навстречу, когда они появлялись на окраине.

– Смотрите, братья, как слух о нашем Учителе распространился, – говорил воодушевленно Иоанн. – Как он разит фарисеев! Это оттого, что сам Господь ему помогает! Вот увидите – войдем в Город все равно, что на белом коне. Народ признает в нем пророка!

Глаза Иоанна горели, руки взвились над головой, словно прося подтверждение у Неба, и всем очень хотелось ему верить. Ученики тихонько кивали головами, и у них сладостно сжимались сердца. Лишь немногие, Хоам да, похоже, Иуда, не разделяли общего восторга. Хоам думал о чем-то своем, шевеля в такт мыслям густыми бровями, а Иуда улыбался, слушая Иоанна.

– Все равно что златоуст вещаешь… Ровно ангел, – елейным голосом поддакнул Иуда.

Иоанн зыркнул на него, почувствовав скрытую насмешку, но прозвище понравилось. Однако Иуду с тех пор невзлюбил. Не нравилось ему эта улыбочка, которая возникала на его губах всякий раз, как он начинал вдохновенно говорить о великом.

Уже в предвечерней дымке они увидели желанный Город. Город надежд, обитель Духа. Свершилось! Они пришли покорить этот надменный град, и вот он перед ними: рассыпался горстями по холмам, стиснулся на узких равнинах, успокоившись у подножия величественного здания Храма, в котором хранились свитки Завета – договора с Богом. Ни один народ мира не имел столь веских и осязаемых доказательств связи с Творцом. И лишь грехи людские помешали ему стать самым счастливым в этом мире. Но пророки предрекли: наступит день, и Вседержитель дарует благодать, поднимет из праха народ и установит новое Царство чрез Посланца своего. А откроется Мессия в Великом и Единственном по святости Храме. Осталось ждать и верить, верить и ждать…

Ночь путники провели в придорожном постоялом дворе и лишь на следующее утро, в лучах неяркого, но ласкового солнца вступили на улицы древней столицы.

Город был почтенным старцем – ему перевалило за тысячу лет. Захватчики несколько раз разрушали его, но Город восстанавливался, а с ним и Храм, с Храмом – и величие его. Не было на Земле места, с которым так долго связывалась бы судьба всего народа. Стоит Храм – существует и уверен в своем будущем народ. Гибнет Храм и с ним рассеивается народ. Причина тому для священников была ясна, как истина: в Храме хранился ковчег договора Бога со своим народом. Если его извергали из недр Святилища, нарушалась связь с Творцом, и люди превращались в пыль на ветру. Оставалось одно – беречь Храм от любых посягательств.

Первыми их приход в Город заметили настороженные глаза храмовых слуг. Но если бы даже ученики об этом знали, их настроение вряд ли омрачилось бы. Учитель верил в победу своего дела, а ученики верили в него. И вот свершилось! Они вошли в Город.

Столица быстро просыпалась, озабоченная множеством дел и делишек. Узкие, кривые улочки, заросшие по бокам сорной травой, заполнялись людьми и повозками. Скрежет колес, блеяние животных, крики погонщиков быстро поглотили предутреннее спокойствие. Странники на первых же улицах были оттеснены с середины дороги на обочину снующимися мулами, запряженными в повозки, в которых восседали торговцы со своим товаром, громкими криками расчищавшие себе путь. После раздольных сельских дорог, где дюжина человек выглядела внушительной процессией, город сминал и растворял их среди сотен подобных людей. Даже Учитель, бывавший в Городе, сбавил шаг, приноравливаясь к окружающей толчее.

По обыкновению странники направились к ближайшему молитвенному дому, где Учитель смог бы произнести проповедь. Заглянув в темную и пустую залу молельни, он приказал ученикам созвать народ, а сам вошел внутрь. Там он отыскал служителя. Тот выслушал желание пришельца и нахмурился.

– Перед кем ты собираешься проповедовать? В это время все заняты своими делами.

– Народ придет. Его уже зовут.

Служитель удивился.

– Ради себя ты хочешь оторвать людей от их занятий, и уверен, что они придут?

– Не ради себя, а ради откровения божьего, – поправил его Учитель.

– Откровения Божье и великих пророков Его заключены в Книге; чего еще нужно?

– В Книге – да! Но часто сокровенное скрыто в сердце и покоится там, как на дне колодца, – возразил пришелец.

Служитель пожал плечами на уверенные речи неизвестного равви. И тут около него возник тихий человек и что-то быстро зашептал на ухо. Выслушав его, служитель храма переменился и строго, с едва сдерживаемой злостью, произнес:

– Немедленно уходите отсюда. Это не место для ваших проповедей.

– Но почему мне нельзя сказать Слово? Ничего плохого в моих речах вы не услышите.

– Ежедневно в Город приходит множество бродяг и если каждому давать открывать рот, не останется времени на наши проповеди, а жителям на свои дела. Ищи внимающих тебе там, откуда ты пришел. Здесь наша нива.

Спор прервали вошедшие ученики.

– Учитель, они не идут! – громким свистящим шепотом объявил Иуда, просунув голову в дверь.

– Да! Да! – подтвердили и остальные теснящиеся сзади ученики.

– Кто?

– Люди. Они говорят, что у них дела.

Священник усмехнулся. Пришелец вспыхнул. Мельком взглянув на повернувшегося к нему спиной служителя храма, он быстро направился к дверям.

– Раз так, я пойду к ним сам! – объявил он на ходу. – Друзья мои, пойдемте туда, где людей сейчас больше всего.

– Тогда нам нужно на рынок, – сказал Иуда, предупредительно распахивая дверь перед Учителем.

– Значит, идем на рынок.

2

Солнце поднималось все выше, и пока полуденная жара не загнала людей в дома, базар жил напряженной торговой жизнью. Громко выкрикивали хвалу своему товару продавцы, увлеченно торговались покупатели, ржали и мычали животные. В этом гаме скромные провинциалы из окраинной Галилеи чувствовали себя чужими, лишними. Лишь Иуда оглядывался вокруг с любопытством, подмечая повадки разноцветной толпы, количество и разнообразие товаров, запоминая цены. И чем внимательнее он вглядывался, тем сильнее ему начинало все это нравиться. Ему хотелось остановиться, рассмотреть поближе, потолкаться среди люда, но Учитель неумолимо шагал сквозь толпу, как корабль сквозь податливые волны, и ученики семенили следом испуганным и верным стадом. А за ними крались люди Храма. Когда процессия выбралась на базарную площадь, Учитель, опершись на крепкое плечо Шимона, взобрался на пустую повозку и прокричал:

– Люди! Выслушайте меня!

Движение в толпе стало стихать, и удивленные лица начали оборачиваться к человеку в пропыленном хитоне, возвышающемуся над ними.

– Чего тебе? – выкрикнули в ответ.

– Я хочу сказать вам о том, что переполняет мое сердце…

– А мне нужно продать то, что наполняет мои корзины! – откликнулся чей-то насмешливый голос.

Кругом засмеялись. Ученики подавленно озирались. Ничто не предвещало обычного внимания. Но Учитель не сдавался.

– Люди, я хочу донести до вас слово Божье…

– Почему ты не хочешь сделать этого там, где полагается?

– В молитвенных домах решили оградить меня от вас, будто можно ветер оградить от полей. Я пришел к вам сюда, чтобы сказать те слова, что ваши уши забыли, но сердца жаждут, как сухая трава дождя…

– Ты кто, пророк? – выкрикнули в толпе.

Учитель на миг запнулся, но затем не столь громко, но внятно произнес:

– Да…

– Тогда сотвори чудо, и мы поверим!

Это было сказано шутя, но люди храма, почуяв настроение толпы, сразу подхватили возглас.

– Чуда! Сотвори чудо, если ты пророк!

Учитель безмолвствовал. А крики набирали силу.

– Чуда! Сотвори чудо, и мы поверим тебе!

Наконец Учитель заговорил. Он спросил толпу:

– Разве слово Правды для вас не чудо? Неужели вы так часто слышите его, чтобы пренебрегать им?

– Э-э, не увиливай, – кричали ему. – Твори чудо или не мешай нам!

Первым надоело развлекаться торговцам.

– Да сколько можно слушать этого бродягу! – возопили они. – Обед уж на подходе! Хватит! Пора за дело! Эй, покупайте фрукты, свежие фрукты!… Продаю рыбу, дешево рыбу!… Продаю холсты… кувшины! … мази! … вино! …

Скоро опомнились и покупатели. Время не терпело праздности, пора было завершать покупки и идти домой. Люди один за другим отходили от проповедника, пока он не остался один с учениками. Учитель спустился с телеги и медленно побрел прочь.

4

Обедать остановились в одном из многочисленных постоялых дворов города. Трапеза проходила в полном молчании. Если кто-то и произносил слово, то тихо, почти шепотом, как при покойнике. Учитель сидел бледный, весь ушедший в себя, почти не прикасаясь к пище. Соратники по-разному переживали случившиеся. Шимон закручинился, подперев щеку рукой. Иоанн в гневе кусал губы. Испуганная Мариам, расставив кушанья, ушла на женскую половину. Только Иуда держался бодро и, наскоро перекусив, ушел осматривать город.

Тягостное молчание нарушил Иоанн.

– Что будем делать дальше, равви?

– Ты опять называешь меня равви? Я для тебя прежде всего брат, а не равви.

– Но братья бывают старшие и младшие, – возразил Иоанн, – и младшие должны учиться у старших.

Учитель ничего не ответил.

– Нужно было их всех покарать, – продолжал Иоанн, сжимая кулаки. – Пусть бы немота поразила их. Я знаю, что ты смог бы это сделать!

Ученики с удивлением воззрились на пылкого юношу.

– Да, – повторил он дерзко. – Нет пределов силы Учителя нашего.

Тот лишь слабо улыбнулся.

– Не преувеличивай. Но главное в другом. Силой любить не заставишь. Покарав уста, не откроешь души. В мир сей я пришел с любовью…

– Но они бы задумались!

– Придет черед. Есть время разбрасывать камни, будет время и собирать их.

– А мог бы ты и вправду сотворить чудо? – спросил Хоам.

Ученики замерли.

– Не чудо ждете вы, а чудес! – отрезал Учитель с непривычной резкостью. – Чудес не будет. Чудо внутри вас. Ведь сказано, что созданы мы по образу и подобию божьему. Но не о телесном же идет речь! Каждый человек имеет возможность приобщиться к душе Господа нашего. Это ли не радость и не великое чудо? Вдумайтесь, вы можете почувствовать и понять самого Творца! Есть лишь три истинных чуда. Чудо преображения человека. Чудо противодействия грязи внешнего мира. И чуда самопожертвования ради других. Что же до этого города… Мы уйдем отсюда, вернемся в Галилею. Я поспешил. Рано! Еще рано. Сердца здешних людей искушены и развращены. Мы уйдем сегодня же! Чтобы вернуться.

Ученики безропотно подчинились.

Когда он вышел из дома, его поджидала Мариам. Даже простенькое, закрытое платье не могло скрыть ее красоты. Природа ли, Бог ли, а может Сатана сделал это во искушение, но сотворена она была явно не для обыденной жизни.

Учитель молча шагнул навстречу. Выбор был за ней, он же был готов принять любой из двух.

– Я боюсь идти дальше…

Учитель кивнул.

– И все же, я хочу идти с вами …с тобой. Можно?

Учитель кивнул. И Мариам ушла собираться. Так и не сказав ни слова, Учитель вернулся к ученикам.

Закончив обед, странники собрались в путь. Не было лишь Иуды. Учитель приказал подождать его. Посидели еще немного, и, когда терпение учеников истощилось, в комнату влетел запыхавшийся Иуда.

– Обошел чуть ли не весь город! – почти радостно объявил он. – Куда не обращался, нигде не дали ни одной монетки или куска хлеба для божьего дела. Ну и город!… Торговый город!

…Вечерело. Солнце прощально зависло над столицей. В багрово-алых лучах величественно темнела громада Храма. Недоступная, холодная, высокомерная твердыня книжников.

– Мы так и не побывали в Храме, – вздохнул Хоам.

Учитель обернулся к нему.

– Мы еще будем там. Но не под слова проклятий туда войдем, а под крики радости и приветствий. Иначе что нам там делать?

Отступление третье

Прыжок первый: Граник

«Огромная походная колонна, размеренно маршируя под звуки пронзительных *сирингов*, втягивалась вглубь Малой Азии. Невысокие коричневые горы и синее небо оттеняли пестрое великолепие разодетого войска. Красные, белые, желтые, серые цвета плащей, попон, доспехов сливались в одну пеструю ленту, и она, извиваясь, ползла меж холмов, ослепляемая и обжигаемая не по-весеннему жарким солнцем. Но солдаты уже давно привыкли к жаре, поту и пыли. Доспехи не тяготили плечи и свисающие мечи не клонили набок. Колонны почти не растягивались, обозы не отставали, воины не глядели с тоской на обочину с мечтой об отдыхе, руки не тянулись поминутно к флягам с водой. Они знали сколько в состоянии пройти, когда и впрямь станет необходим привал (и к этому моменту такой приказ будет), когда можно испить воды,

без риска потерять силы. Это знание давало общую волю и цель, и потому колонны маршировали спокойно, размеренно и неотвратимо.

Александр ехал с гоплитами. Хотя они сдавали в обоз часть своего вооружения: длинные копья – сариссы – и огромные щиты, закрывавшие в бою тело почти полностью, но все же им, облаченным в доспехи, приходилось труднее остальных – конницы и легкой пехоты. Александр с непокрытой головой, в красно-пурпурном плаще, гарцуя на любимом Буцефале, шутками и разговорами вдохновлял воинов. Сегодня он хотел сделать чуть больший переход, чем обычно, и переправиться через реку Граник до темноты.

Александр спешил. Слишком медленно шла армия и слишком быстро бежали дни. Уже трое суток прошло с начала переправы Геллиспонта, а они лишь слегка углубились во владения Дария. «Скорей, скорей!» – стучало в сердце. Но ускорить ход такой махины, не смогли бы даже боги. Сколько времени еще понадобится, пока войско, не вырвавшись из гористых лабиринтов Фригии, выйдет к благодатным городам Ионии – Милету, Эфесу, Галикарнасу? И там уже наверняка придется встретиться с врагом.

Александра беспокоила размеренность и дремотность марша. Со временем это утомляет, притупляет чувства, выматывает однообразием. Бой куда лучше! Он возбуждает больше неразбавленного вина. Заставляет подтянуться, учит целеустремленности. Но сражений пока не было и не предвиделось. Благодаря огромности своих земель, персы могли осторожничать, неспешно сбирая силы и тщательно готовясь к схватке. Александру уже донесли, что находящийся на службе у врага грек с Родоса Мемнон предложил военачальникам Дария тактику затягивания сражений, выжигая перед неприятелем посевы, селения, угоняя скот. Тогда голодное и вымотанное войско станет легкой добычей. Этого плана Александр боялся теперь больше всего.

Вдруг впереди все заметили легкое движение. Навстречу скакал всадник. Александр в нетерпении привстал в стременах. Заволновалась и свита.

– Это гонец, – предположил кто-то.

– Кажется разведчик Гегелоха, – ответил другой.

– Неужели персы?

– Не может быть, они еще далеко…

Александр не внимая ничьим словам, ринулся навстречу. Всадник на скаку резко натянул поводья.

– Я от Гегелоха! – крикнул он. – Персы!

– Где они?

– На другом берегу реки. Стоят лагерем!

Глаза разведчика из передового отряда горели огнем охотника, и Александр отметил это с особым удовлетворением. Азарт дозорного зажег Александра и определил его последующие поступки. Приказав пехоте как можно быстрее выдвигаться к реке, он во главе конницы устремился вперед.

Персы спокойно и величественно, с вызывающим удобством расположились на крутом берегу Граника. Отрядам из вассальных земель Дария, срочно набранным по приказу сатрапа провинции, были хорошо видны колонны македонян, заполняющих пологий, поросший мелким кустарником противоположный берег. Ополченцы робели, понимая, что через день-два могут умереть за чужеземного владыку, зато персидские командиры пребывали в ином настроении. Зрелище скапливающихся внизу воинов противника наполняло их сердца уверенностью в своих силах. Врагам предстояло идти на почти безумный поступок, – переправиться под стрелами и дротиками через стремнину реки, а затем лезть по кручам на смертоносные копья и мечи.

Александр смотрел на стену врагов, выстроившихся на крутом противоположном берегу, вслушиваясь в крики персов. Они махали руками, смеялись, уверенные в своей неуязвимости.

Александра охватила злость. Он повернул коня и приказал воинам строиться в боевой порядок: в центре – фаланга гоплитов, по краям – конница. К нему на спешный военный совет стали съезжаться командиры: Парменион, его сын Филота, возглавлявший конницу, начальник охраны базилевса Клит, душа разведки Гегелох, командиры отдельных подразделений – Птолемей, Эригий, Пердикка, Гарпал, Кен, Кратер…

Сознающий свои заслуги и опытность Парменион подъехал неспешно, готовый без суеты дать юноше взвешенный совет. Похожий на отца разворотом плеч, мощным сложением и крупными, лепными чертами лица Филота гарцевал в отдалении, подчеркивая свою независимость от родственных отношений. Клит же, командуя отборной царской *илой*, набранной преимущественно из македонской знати, призванной в бою всегда быть рядом с царем, с хладнокровным интересом ждал, во что выльется первый военный совет с начала похода. Александр еще не воевал вместе с Парменионом, а Парменион был правой рукой и другом его отца, зато Клиту пришлось иметь дело и с первым, и со вторым, и с третьим.

Подоспели опоздавшие и Александр, даже не спешиваясь, бросил:

– Рассуждать не будем – враг перед нами.

Парменион удивленно поднял брови, но смолчал.

– А река? – спросил кто-то.

– И кони, и пехота пройти смогут!

Парменион не выдержал. Подавив вспыхнувшую было обиду на то, что Александр не интересуется его мнением, он поднял руку в знак желания говорить перед молодым базилевсом. Александр оборотился к нему. Командиры приготовились слушать.

– Если угодно выслушать мой совет, он таков: не следует рисковать войском, атакуя столь сильные позиции с марша. Лучше разбить лагерь. Воины отдохнут. Персы же будут всю ночь стоять на берегу, боясь ночной атаки. Ранним утром, когда они утомятся, мы и начнем…

Командиры с удовлетворением кивали: старый полководец знал дело. Зато Александр ждал окончание речи Пармениона с плохо скрываемым нетерпением.

– Ждать завтра, когда персов можно разбить сегодня? – откликнулся Александр. – За ночь мы не усилимся, а враг не ослабнет. И неверно, что мои воины устали. Да и какой отдых может быть в ночь перед битвой? Одни разговоры про крутой берег утомят любого. Надо атаковать! Парменион, ты бери левое крыло, я – правое. Филота – центр. Со мной пойдут *гетайры*. Еще возьму копейщиков и отряд лучников. Ударим посильнее! Я надеюсь на тебя, мой друг, – обратился Александр к Пармениону, пожимая ему руку.

И Александр хлестнул коня, давая понять, что совет окончен. Командиры, с неуверенностью оглядываясь на Пармениона, стали разъезжаться. Парменион, ничем не выдав обиды, тут же ускакал к войскам. Филоте не понравилось обращение Александра с отцом, но энергия предстоящей битвы уже наполняла его радостным возбуждением.

Македоняне построились в боевой порядок. Первым движение начал фланг Александра. Чтобы найти уязвимое место в рядах противника, вперед был высланы конные разведчики во главе с отважным Гегелохом, а сам Александр с основными силами, под клики труб, зовущих вперед, вошел в реку наискосок течению.

На разведчиков сразу же обрушился град из дротиков и копий. И хотя щиты и шлемы выдерживали удары, но строй смешался, а многие кони получили ранения. Передовые всадники повернули назад, тогда как задние еще стремились выбраться на берег. Заметив расстройство в рядах противника, персы ринулись в атаку. Сбегая с высокого берега, они чуяли легкую добычу. Македоняне немедленно начали отступать, увлекая за собой врага. Воды реки закипели от фонтанов брызг и вниз по течению поплыли первые трупы. Мало кому из первой линии удалось уцелеть, но свое дело они сделали – ополченцы покинули высоты и сгрудились на берегу, большая часть копий и дротиков была израсходована, их ряды смешались. Подоспевшие персидские военачальники бессильно наблюдали за бестолковым сражением. Медливший

до той поры Александр подал сигнал к всеобщему наступлению. Видевшие гибель товарищей, обозленные македоняне с холодной всесокрушающей решимостью напали на врагов. Подбадривая себя пронзительными криками, воины Дария попытались противостоять противнику, но быстро уяснили превосходство македонян и эллинов. Не нарушая строя даже в воде, те методично рубились. Они не размахивали попусту оружием, как не воевавшие ополченцы, набранные со всех концов Фригии, Лидии и Каппадокии. Воины севера кололи и рубили молча и ловко, едва заметными быстрыми движениями, нанося раны в открытые места. Когда же персам удавалось наносить ответные удары, они почему-то попадали то в щит, то в шлем. Противник был неуязвим! Зато длинные копья македонян пробивали легкие деревянные щиты и кожаные рубашки врагов. Увязшие в роскоши и благоденствии, отвыкшие потом и усердием добиваться на занятиях мастерского владения оружием, персам пришлось сполна расплачиваться за годы сытой бездеятельности. Ополченцы дрогнули. Они попытались взобраться на высоты, чтобы вновь оказаться в благоприятном положении, но было поздно. Македоняне не отставали ни на шаг, продолжая без устали уничтожать противника. И подданные великого царя царей бежали, спасая себя, или ложились, укрывшись щитом, показывая, что сдаются. Гетайры во главе с Александром пробились сквозь толпы бегущих и выскочили наверх. Для персидских военачальников настал миг последнего решения: бежать или попытаться исправить положение? Они бы убежали, но войско возглавлял зять царя Мифрен. Персы смотрели на него в ожидании: что он выберет для себя и для них? И Мифрен решился. Он не мог появиться перед очами Дария с вестью о разгроме и своем бегстве. Лучше умереть в бою, чем позорной смертью в подвале дворца. Мифрен подал сигнал к атаке. Был один способ изменить судьбу – найти того, кто затеял этот поход. Лишь убив вождя Македонии, можно было изменить ход сражения. И – о слава богам! – среди появившихся врагов он увидел человека в пурпурном плаще. Кто это – сомнений не было. Значит, вперед!

В богатых одеждах и позолоченных доспехах отборный отряд персов во главе с Мифреном ринулся в центр конницы македонян, убивая и калеча чужих и своих воинов. Александр понял цель атаки, но и не думал уклоняться от схватки. Его азартный взгляд был прикован к сине-желтым плащам приближавшихся врагов. И, наконец, они сошлись.

– Я убью тебя! – крикнул Мифрен, поднимая меч с рукоятью, усыпанной драгоценными камнями.

Александр не знал чужого языка, да и шум битвы заглушал слова, но увидев, как в волчьем оскале раздвинулся бородатый рот, он понял смысл крика и… улыбнулся. Его копье лишь на мгновение, на то мгновение, что решает исход поединка, опередило замах меча перса и вонзилось ему в горло. Грузное тело медленно повалилось с коня на землю. С пронзительными криками персы бросились на Александра. Одному из них удалось дотянуться до царя и ударом меча сорвать шлем с его головы, но сразу погиб от копья Александра. Однако уже следующий перс занес кинжал, метя в шею. Александр понял, что на сей раз не успевает он. Взгляды перса и Александра на миг пересеклись. «Я твоя смерть», – сказал один взор. «Не может быть», – ответили другие глаза.

Жизнь базилевсу спас Клит. Широкоплечий, могучий, чем-то похожий на убитого Мифрена, хотя и много старше остальных друзей базилевса, он с юношеским проворством взмахнул мечом, и словно ветку у дерева, отрубил руку перса.

– Спасибо, Клит, – хрипло крикнул Александр. – Этого я не забуду.

– Я всего лишь твой телохранитель, – отвечал тот.

Увидев гибель своего предводителя, атакующие повернули вспять. Бегство стало всеобщим и паническим. Было где разгуляться и показать удаль македонской и фессалийской конницам. Рубка шла, будто на учениях. Лишь небольшой отряд греческих наемников, ушедших из Эллады после победы македонян, не побежал, а, построившись в каре, ощетинившись мечами, стал ждать приговора судьбы.

К Александру подскакал гонец и объявил, что эллины готовы сдаться под честное слово, если им сохранят жизнь и свободу.

– Не им, служащим врагам родины, говорить о честности! – вскричал Александр. – Предателей в плен не брать!

Гонец ускакал назад, и отряд наемников как один полег за дело ДарияI.

Битва кончилась. Утомленные воины снимали доспехи, располагались на отдых, громко и возбужденно переговариваясь, радостные от сознания, что грозный с виду враг оказался не столь опасным и победа досталась малой кровью. Александр объехал войска, приветствуя их. Его щеки горели. Он улыбался и без нужды горячил коня. У группы раненых, которым лекари перевязывали раны, он спешился и, примостившись рядом, долго расспрашивал об обстоятельствах ранения и поведении товарищей в бою. Воины охотно и подробно рассказывали, для большей красочности размахивая руками, изображая события в лицах, то и дело призывая богов в свидетели. Со всех сторон сыпались шутки, над которыми первым начинал смеяться сам Александр.

Счастливый день угас. Солнце, прощально повисев над горизонтом, закатилось, когда в палатке Александра собрались военачальники. Прямо на земле разложили фрукты, овощи и лепешки. Приглашенные сами, без помощи слуг наливали в чаши вино и воду. Ложем служила обычная овчина. Походная жизнь не располагала к роскоши, да никто в ней и не нуждался. Недавно смывшие пот стратеги с удовольствием взяли в руки чаши с вином. Ждали слова Александра. И тот, так и не избавившись от юношеского румянца, поднял чашу и сказал:

– За тебя Парменион и твой левый фланг, за тебя Филота и твой центр, за тебя Клит и твоих телохранителей, за тебя Гегелох и твоих разведчиков, за всех, кто был в бою!

– За тебя, Александр! – раздалось в ответ.

Молодой царь чуть пригубил из чаши и этому никто не удивился. Все знали, что он почти не пьет вина, и не интересуется женщинами. Поговаривали, что оргии на пирах отца, которые он видел в отрочестве, произвели столь отталкивающее впечатление, что навсегда отвратили его от таких радостей.

– А теперь осушим чаши за тех, кто помнит о нас дома, – воскликнул Александр.

Молодые люди с улыбками опорожнили чаши. У них не было жен и детей, приключения и жажда славы манила их куда больше, чем сидение у родного очага. Они представили, как весть о победе достигнет родных мест и родственники будут обсуждать это событие. Лишь Александр задумался о чем-то своем и веселые искры угасли в его глазах.

…Когда церемония официального прощания с двором закончилась, они остались одни – мать и сын.

– Иди ко мне, – позвала она Александра. И поцеловала в лоб, когда он послушно приблизился.

– Другие могут тебя любить за то, что ты базилевс, а я за то, что ты мой сын, – сказала она. – Мать – единственный человек, кто не предаст тебя никогда. Даже отцы могут пренебречь своими детьми, но не мать.

– Я понимаю, – тихо ответил Александр.

Еще молодая, с ярко-синими глазами и тонким прямым носом, с четко очерченными губами, чей овал лица обрамляли золотистые локоны, которые достались от нее и ему, она была для Александра самой прекрасной из женщин.

Мать внимательно посмотрела в лицо сына, затем вздохнула.

– Ты слишком открыт и покоен. Ты не ведаешь зла. А вокруг тебя достаточно недоброжелателей.

– Они не опасны.

– Как знать. Змея жалит неожиданно. Так убили твоего отца. Убил его телохранитель. Теперь ты уходишь и, я чувствую, без желания возвратиться назад и успокоиться здесь. Македония опустеет без тебя…

– Я оставляю свою мать, а значит половину себя, – возразил Александр.

– Тебя всего забрала твоя мечта. Что ж, у каждого базилевса свой путь царствования. Я буду твоей опорой здесь.

И она вновь поцелована его в лоб. Последний раз. На прощание.

———

Уже на следующий день авангард выступил в поход. Александр спешил, пока не опомнился враг, захватить побережье с его портами. Слухи о победе на Гранике оказались не менее сильным оружием, чем македонские мечи. Они сокрушали стены хорошо укрепленных городов, не выломав ни одного камня, и рассеивали войска, которые даже не видели противника. Столица Фригии сдалась без боя; гарнизон попросту бежал. А богатые Сарды, столица Лидии, опоясанные тремя рядами стен, распахнули ворота, как только на горизонте показались македонские всадники. Ионические колонии последовали их примеру. Сдался Эфес, один из самых больших портов Ионии. Магнесизия и Тралл прислали приветственную депутацию. Лишь в двух городах – Милете и Галикарнасе – эллинские союзники персов сумели организовать сопротивление. В Милете они укрылись за высокими крепостными стенами, уверовав в их неприступность. Бодрости горожанам придавала персидская флотилия, находившаяся недалеко от Милета. Правда, сама гавань была уже занята кораблями Александра, преградившими вход в залив, но милетцы верили, что это ненадолго и персидский флот, получив подкрепления, пробьется к ним. Однако они еще плохо знали своего противника. Александр предусмотрел все. Конечно, полевая армия была не в состоянии преодолеть отвесные рукотворные стены, поэтому за главными силами днем и ночью, попеременно меняя тягловых быков, тащили осадную технику. И через несколько дней изумленные жители Милета увидели перед собой осадные башни и придвигаемые к стенам огромные тараны с железными наконечниками. Что теперь они обречены, стало ясно всем, и только слабая надежда на флот заставляла их продолжать яростно сопротивляться. Несколько раз осажденные совершали вылазки, стараясь поджечь осадную технику, но каждый раз отступали, не достигнув цели. А тараны методично делали свое дело. Огромные бревна на цепях, подвешенные к гигантской раме, раскачивались пленными. Бревна били железными концами по глинобитным кирпичам у основания стен, превращая камень в мелкую щебенку. И так до тех пор, пока кусок стены не обрушивался под собственной тяжестью. Скоро у осажденных не стало хватать сил на то, чтобы надежно прикрывать все новые и новые бреши в укреплениях. Развязка близилась и, не дожидаясь конца, большая часть милетцев предпочла бежать из города. Только отряд в триста человек, прикрывавших отход, не успел выскочить из западни. Им пришлось отступить на маленький скалистый островок близ берега. Ожидание скорого появления персидских кораблей служило последней надеждой на спасение. Но, состоявший в основном из финикийцев, флот бездействовал. Рисковать жизнями моряки из Тира и Сидона не хотели.

Сгрудившись на клочке суши и, обнажив мечи, милетские воины ждали неизбежного. Повторялась история у Граника. Александр стоял на берегу и смотрел на обреченных. Триста мужественных, полных сил воинов должны были вскоре умереть. Они сделали свою ставку и проиграли. Сила персидского царя оказалось игрой теней.

– Почему милетцы воюют за персов? – спросил Александр. – Ведь они эллины!

– Милет – торговый город. Милетцы не могут прибыльно торговать с Элладой, которая производит все то, что и они. Потому полисы Ионии торгуют с землями, входящими в державу персов. Их процветание зависит от Дария.

– Какой простой и действенный способ держать народы в повиновении, – молвил Александр. – Выгода! Надо подумать над этим…

На маленькой лодке с двумя гребцами подплыл чернобородый Неарх. Он был назначен стратегом македонских кораблей и успешно справлялся с обязанностями. Не дожидаясь, пока лодка причалит к берегу, он прокричал, сложив руки рупором:

– Сейчас наши суда окружат остров! Позволь лучникам и копейщикам показать свое искусство! Это не будет нам стоить ни одного воина!

Но Александр вдруг отрицательно покачал головой и крикнул в ответ:

– Плыви к ним и скажи, что я предлагаю им службу в своем войске. Вперед, Неарх!

Моряк, не удивившись, отдал гребцам новую команду. Лодка послушно помчалась к острову. Переговорив с воинами, Неарх вознес руку с поднятым большим пальцем. Александр улыбнулся. Учитель был бы доволен тем, что не пришлось понапрасну проливать кровь эллинов.

Еще одна преграда преодолена. Впереди чужие земли, чужие народы, чужие нравы, обычаи и боги. Но как раз это и манило Александра.

«Скорей, скорей – стучало в его сердце».

Повествование 5. В н о в ь д о р о г и Г а л и л е и

1

Покидая Город, Учитель объявил, что они пойдут назад в Галилею кратчайшей дорогой – через Самарию.

– Не пострадаем ли мы от соприкосновения с этой страной? – спросил задумчиво Иаков. – Ведь самаритяне не знают истинности в вере. Наполовину они язычники!

– Ты боишься язычников, Иаков? – удивился Учитель. – Разве они нападают на путников другой веры?

Иаков промолчал, но Иуда, лукаво улыбаясь, пояснил:

– Фарисеи говорят, что кусок хлеба, принятый от самаритянина, равен куску свинины. А ведь нам придется питаться из их рук, пока не пройдем их селения. Вот он и боится осквернiться.

Иаков потупился.

– Да, это нечистая страна, – упрямо сказал он.

Губы Учителя дрогнули и на скулах выступили красные пятна.

– Я уже говорил вам – нет чистых или нечистых народов, есть лишь чистые или нечистые помыслы. Никто не может получить благодать только за то, что родился левитом, и проклятие только за то, что родился самаритянином. Все нужно заслужить на этом свете! Любой кусок чист, если протянут с добрыми намерениями!

На следующий день, в полдень, путники достигли первого самаритянского селения. Иаков, который решил искупить свое пренебрежение к самаритянам, и еще несколько учеников ушли за провизией, остальные отошли к дереву у края площади, чтобы отдохнуть в его тени. Но не прошло и часа, как вдруг послышались возбужденные крики и на площади появились их товарищи. Впереди шел возбужденный Иоанн, что-то отрывисто бросая остальным через плечо, подкрепляя свои слова резкими, рубящими взмахами руки. Пыль зло клубилась из-под их ног. Учитель опустил голову.

– Равви, ты должен их покарать! – закричал Иоанн еще издали.

Толпа взволнованных, пропыленных, обожженных солнцем мужчин, сжимающих кулаки, обступила своего предводителя, спокойного, холодного, недвижного.

– Их надо покарать! – повторил Иоанн.

– За что? – тихо спросил Учитель. Так тихо, что для того, чтобы услышать его, все были вынуждены замолчать.

– Мы пришли к ним в дома смиренно, – начал рассказывать Иоанн. – Просили всего лишь немного пищи на ужин, а нас встретили проклятиями и богохульствами! Я сам слышал! Ведь так, Иаков? Так, Хоам?

Оба кивнули.

– Они ругали и смеялись над тобой! Я не мог этого выдержать и…

– И что?

– Я схватился за камень, но их было куда больше. Накажи их! Нужно наслать на них все беды неба. Мор! Голод! Засуху!

– Что ты говоришь! – вскричал Учитель пораженный. – Как же мне достучаться до вас? Внемлите, ибо еще раз говорю вам: я пришел в мир не губить, а спасать!

– Разве зло не должно быть наказано? – спросил Хоам.

– Подлинное зло – да! Но здесь вам вернули то, что оставили фарисеи и книжники, – ненависть, нетерпимость, подозрение. Вырвите эти плевелы и вам принесут на ладонях чистое зерно. Но вы хотите, вынув меч, посеять новые семена раздоров – жажду мести, словно вы не мирные пастыри, а сыновья молнии и грома. Вы здесь гости! И если вас не хотят принимать, – идите дальше, а не ломитесь в дверь!

Ученики опустили головы.

– Я ведь говорил Иоанну, не лезь, а то пришибут, – сказал Иуда.

Иоанн бросил злобный взгляд на него. Но Иуда лишь усмехнулся.

– Голубка и та может в глаз клюнуть.

Иаков же громко вздохнул:

– Как мне далеко до тебя, Учитель. Людское и греховное – все во мне, а разумом я простой рыбак.

– Не надо бичевать себя, Иаков, – отвечал Учитель. – Отнесись к каждому человеку так же, как отнесся бы к себе. Идемте, братья мои, здесь мы уже лишние.

И цепочка странников вновь потянулась к горизонту.

2

Ужин выдался бы на редкость скудным – несколько вяленых рыб да краюха хлеба – если б, под удивленные возгласы присутствующих, Иуда не высыпал из сумы приличную кучку репы с несколькими сочными луковицами. Настроение сразу поднялось, и ученики отужинали с аппетитом, неустанно хваля Иуду. А тот молчал, скромно потупившись, но при внимательном взгляде можно было заметить, что радость от похвал переполняет его, дрожью пробегая по телу. Лишь Шимон не радовался еде, задумчиво посматривая на Иуду.

Отужинав, стали укладываться спать вокруг костра. Учитель ушел на ежевечернюю прогулку, а, возвращаясь, услышал в стороне сердитые, приглушенные голоса, возню и тяжелое дыхание. Два человека сцепились меж собой. Он поспешил к ним и увидел Шимона и Иуду. Шимон держал Иуду за грудки, а тот яростно отбивался.

– Стойте! – закричал Учитель, бросившись к ним.

Противники сразу отпустили друг друга.

– Что случилось?

– Сейчас… сейчас все скажу, – отвечал запыхавшийся Шимон. – Вот он нас чуть не погубил.

Иуда громко хмыкнул.

– Да-да! Скажи, скажи, – где ты взял репу и лук?

Иуда опять лишь презрительно фыркнул.

– Прикажи, Учитель, сказать ему. Прикажи!

– Откуда ты взял овощи, Иуда? – спросил Учитель.

Иуда тихонько вздохнул.

– Из огорода…

– Какого огорода?

– Самаритянского.

– Без спросу?

– А кто бы дал? – взорвался Иуда. – Я знал, что самаритяне нам ничего не дадут. Они ненавидят пришедших из Города, а мы шли оттуда. Я и решился…

– Может, оттого нас чуть и не побили, что заметили кражу? – предположил Шимон.

– Да вы без меня сегодня голодными заснули бы! Ничего же вам не дали самаритяне!

– Иди, Шимон, иди, – произнес Учитель. – Спасибо тебе. Иди спать спокойно и никому не говори об этом.

Шимон кивнул и направился к костру.

– Не для себя же, – пробормотал обиженно Иуда.

Учитель обнял его за плечи и шепнул с болью:

– Ты слишком много беспокоишься, а собственно одно только нужно…

И отошел.

Ночи в Палестине всегда безоблачны, многозвездны и тихи. Сумрак настораживает и сосредотачивает одновременно. Ночью, под стрекот цикад, всегда легче думается и мечтается. Думается людям зрелым, мечтается – молодым. А у тлеющего костра, под внимающим небом, разгорался спор. Хоам, спрашивающий о чем-то Шимона, сразу оставил его, увидев возвращающегося Иуду.

– Иуда, где Учитель? – спросил он.

– На что он тебе?

– Поговорить хочу. Душа томится.

– С чего бы это? Нагрешил где?

– Сомневаюсь я…

– А-а! – Иуда, заинтересовавшись, подсел поближе. – В чем же?

– Я с Учитель говорить буду, – насупился Хоам.

– Ну да, ну, конечно, чего с меня, дурака, возьмешь, кроме репы и жертвенных денег.

– Не обижайся… Я смысл учения до конца понять хочу. Ведь равви наш лучше тебя его понимает.

– Это-то конечно, – согласился живо Иуда. – Пойдем, я покажу где он.

Иуда смело перешагнул световую черту костра, увлекая за собой Хоама. Шли недолго. Иуда скоро остановился и чутко прислушался. Затем позвал: «Равви! Равви!»

– Здесь я! – отозвался его голос.

Хоам и Иуда пошли на звук и скоро различили бледный лик Учителя.

– Вот… привел Хоама, – произнес Иуда, подходя ближе. – Сомневается он!

Иуда произнес последние слова протяжно и почти торжественно.

Хоам шагнул несмело, потоптался, откашлялся. Иуда же отступил и замер, не желая пропустить ни единого слова.

– Я хочу уяснить, – начал Хоам, – если вера наша правая, то все другие – не правы. Им уготовано проклятье? И римлянам, и сирийцам, и египтянам? Но разве римлянин виноват, что родился римлянином?

– Нет, конечно. Честные не пострадают. Бог един для всех. Он невидим, и люди, веря в него, придумывают ему разные обличья в силу своего разумения. И молятся ему в силу своих обычаев. Но молиться – не значит быть с Богом. Иначе не было бы никого ближе к небесному престолу на земле, чем фарисеи и жрецы. Слишком много земного в тех молитвах и богослу-

жениях. А потом удивляются, что их не слышат, хотя все наши мирские дела для Бога, что шевеление сорной травы на дороге вечности.

– А что такое Бог? – вдруг подал голос Иуда. – Не для нас, а для всех едящих и мыслящих.

Хоам живо обернулся к нему и воздел руки.

– О чем ты?!

– Бог, – спокойно начал Учитель, – самое прекрасное и чистое в каждом из нас. Недостижимое, но досягаемое. Нерукотворное, но осязаемое душой. Самое сокровенное в человеке.

– Но, если Бог внутри нас, то тогда каким Он может представляться людям злым? – сказал Иуда. – А ведь люди злы…

– Ты хочешь сказать: каков человек, таков и его Бог? Да, это так. Поэтому я и призываю людей очиститься. Поселить в своих душах доброту и милосердие.

– Но Бог должен уметь и карать! – воскликнул Иуда. – А как же! Ведь есть неисправимые! А кто же на земле будет карать? Кто те избранные, что возьмут на себя эту долю? Какой мерой будут они мерить?

– Найдется мера, – убежденно сказал Хоам. – Нужен канон. На то мы и есть, чтобы найти его.

– Найдем и обрящем, – со вздохом тихо, словно для себя, проговорил Иуда.

Учитель промолчал.

Хоам повернулся к нему, как бы ожидая продолжения высказанного. Но, не дождавшись, спросил у Учителя:

– А ты, равви, можешь творить чудеса?

– Я дарю вам чудеса ежедневно – зрите слепцы! – вдруг почти выкрикнул Учитель и, резко повернувшись, зашагал прочь.

Хоам растерянно смотрел вслед. Иуда махнул рукой и направился к месту привала. Хоам, оставшись в одиночестве, почувствовал, как зябнет от ночной прохлады, встрепенулся и бросился вслед за Иудой. Он нагнал его у самого костра. Иуда обернулся и, усмехаясь, сказал:

– А ведь Иоанна и Мариам нет. Жизнь не одним духом питаема.

3

Утром Хоам пересказал спутникам кое-что из ночного разговора.

Иоанн вскочил в волнении.

– Как сказал Учитель? «Я дарю вам чудеса ежедневно – зрите слепцы»?

Хоам кивнул.

Иоанн в задумчивости прошелся несколько раз, обхватив свои плечи руками и, наконец, остановился, выкрикнув:

– Да, мы слепцы! Ах, как прав Учитель! – Он удрученно покачал головой. – Чудо может увидеть только тот, кто хочет его увидеть и принять. Слепца бесполезно убеждать в существовании облаков, ибо он скажет – не вижу!

Ученики глядели на него удивленно, ничего не понимая.

– Мы верим всему, что происходит под нашим носом. Мы верим, будто Учитель и вправду родился в Назарете, а не переехал туда позже из Вифлеема, как было на самом деле и как предсказывали пророки. Мы идем через селения и думаем, будто и вправду Учитель останавливается в них, чтобы запастись пищей и отдохнуть. А я свидетельствую! – Иоанн вознес правую руку к небу, – что однажды зашел я в дом один, вскоре после того, как его покинул Учитель, и сказали мне хозяева, что дочь их, занемогшая накануне, почти выздоровела. Не понял я тогда, что это было, а сейчас понял, – исцелил ее Учитель!

Возгласы одобрения были ему ответом.

– Ведь я уверовал и пошел за ним, когда он исцелил моего соседа, – заявил Левий.

– И я слышал о таком, – поддержал кто-то.

– Да, это так! Учитель имеет этот дар! – с жаром закончил Иоанн, взмахивая рукой.

Все невольно повернули головы туда, куда простерлась его длань. По белесому, легкому туману, стелющемся над травой, будто плыла фигура Учителя. Он шел к ним, приближаясь, как ладья, скользящая по волнам, – плавно, тихо, зачарованно.

– Выспались? – приветливо спросил Учитель, подходя к костру. – Не пора ли идти дальше?

– Мы готовы? – сказал Иоанн. – Но ты еще не ел.

– Спасибо. Мне не хочется. В дороге поем, хлеб у меня есть.

Иоанн обернулся к товарищам с сияющим лицом и сказал им так, чтобы не слышал Учитель:

– Тот, кто беседует с ангелами, не нуждается в телесной пище!

Вновь зазмеилась дорога, и уныние последних дней отступило. Противоречивые, бурные чувства как прежде переполняли путников. Но шагалось легко, будто все они разом узрели близкую, осязаемую цель. Пожалуй, лишь Иуда не разделял общего настроения и все так же тащился где-то позади.

Утро выдалось ярким, солнечным, но не жарким. Прохлада приятно бодрила. Мариам, слышавшей речь Иоанна, передалась его восторженность, и она, не в силах сдержать себя, запела. Песня звонко разносилась в чистом воздухе, приятная для слуха, и шагалось легче.

Учитель поглядывал на Мариам, прислушиваясь к пению, и улыбался. Но улыбка погасла, когда он перехватил ее взгляд, обращенный к Иоанну. Блуждая по степи, он не раз уже встречал пару, в которой признавал Мариам и Иоанна. Тесно прижавшись, бродили они, словно приведения в лунном, нежном свете, ничего не замечая вокруг. Учитель быстро уходил от них и гнал мысли о таких встречах, стараясь забыть их сразу и навсегда. Но память неподвластна человеку, кто бы он ни был, и вот опять перед его глазами выплыли две тени в сине-желтом ореоле лунного света…

…Они встречались каждую ночь. Мариам, как и полагалась, всегда спала отдельно от мужчин и уйти в степь незамеченной ей не представляло особого труда. Иоанн же это делал с проворностью ящерицы, дожидаясь, когда сон воцарялся у кострища.

Они никогда не договаривались о месте свидания, не перешептывались днем. Просто ночью выходили в поле и шли кругом, пока не встречали друг друга. И тогда воздавали себе за всю ту сдержанность, что вынуждены были проявлять при других. Иоанну хватало нежности, которой обычно обделены мужчины, заменяющие ее мимолетной физической пылкостью, и в то же время, в нем было достаточно юношеской порывистости, что пленяет девушек, когда их еще не коснулась усталость сердца и не появилась тяга к покою и определенности.

Во время прогулок Иоанн много говорил: о себе, о людях, о странах. В своих рассказах он готов был схватиться со всем светом. «Маленький Давид сразил великана Голиафа, и я чувствую, что смогу стать Давидом!» – восклицал он, и Мариам верила ему.

4

Странники не чувствовали, что ими заинтересовались те, кому было поручено беречь веру. Люди Храма стали приглядываться к проповеднику. Почти при каждой речи, обращенной к народу, он видел в толпе строгие, напряженные лица. Изредка они выходили вперед и обращались к нему с вопросами. Иногда завязывался спор. Нехороший спор. Когда его не спрашивали, а испытывали, не вопрошали, а допрашивали. Как гордый зверь Учитель с легкостью бросался в борьбу. Он обрушивал на них поток притч и нравоучений из священных книг, заставляя противников вновь растворяться в толпе. На народ это производило впечатление. Не сидели сложа руки и ученики. Вдохновляемые неистовым Иоанном, они рассказывали

жадным до чудесного и необыкновенного людям о деяниях своего славного и великого равви. Рассказывали, что он общается с ангелами, имеет дар пророчества, может исцелять больных… Стоустая молва разносила это по округе, приукрашивая, вызывая острое желание увидеть и послушать новоявленного проповедника.

Учитель, видя плоды трудов своих, ликовал в душе. Народ стал понимать его! Верить ему! И тогда сказал своим спутникам:

– Люди устали от слов, льющихся как вода. Они не знают, где среди этого потока правда, а где суета. Когда я спорю, то вижу, как загораются глаза людей. Они зрят сами, где плевелы, а где доброе семя. Нужно идти в Город. Прямой спор разрешит сомнения!

Ученики смутились.

– Мы недавно оттуда, – молвил Малхай, – и нас встретили так, как гиены встречают овечек.

Даже Иоанн и Шимон не возразили ему и молчали. Учитель всматривался в лица своих товарищей, ища смелых. Но все потупились, только Иуда одобрительно кивнул.

– Когда на полях пробились молодые ростки, вы понимаете, что наступила весна. Сеять уже поздно. Когда же заколосится поле, вы видите итог трудов своих. Поднимите же глаза на мир, взгляните: нива золотится для жатвы. Ничего больше мы не сделаем из того, что уже сделали здесь. Если надо – не дважды, а трижды мы войдем в этот город!

И ученики подчинились желанию Учителя. А Иуда с жаром принялся рассказывать о том, что он увидел, подсмотрел и подслушал в городе Храма за то время, пока остальные сидели на постоялом дворе. Он так живописал шумные торжища, наполненные прилавки, нарядные дома богатых, что сердца учеников потеплели. Им тоже захотелось увидеть все это. И стали даже вслух удивляться, что так быстро ушли из города, не оглядевшись как следует.

– Пуганый осел и своего крика испугаться может, – смеялся Иуда. – А нас теперь и Страшным Судом не испугать.

Последние сомнения рассеялись: надо идти в Город!

Повествование 6. Испытания

1

А пока что все та же пыльная дорога расстилалась перед ними, все так же выступал равви с проповедями перед всеми, кто желал его слушать.

– Велики посевы, да мало жнецов, – сказал он однажды, но грусти в словах не было. «Будет хлеб, будет и серп», – вспоминали ученики другие слова равви. Куда позже он скажет: «Помни всякий: вслед за днем жди и ночи».

Как-то повстречался им путник, возвращавшийся из Заиорданья. За неспешным разговором, прохожий поведал им следующее:

– Слышал я в тех местах, откуда иду, о проповеднике по имени Иоанн. Разное про него говорили. Изобличал он людские пороки и звал к очищению. Пророчил скорые беды и Страшный Суд для нераскаявшихся. И многие убоялись. Приходивших к нему с покаянием окунал в воды Иордана в знак того, что они смывают с себя грехи, за что и получил прозвище Креститель. Только кончилось все это плохо.

– Что с ним случилось?

– Казнили его. Рассказывают: в гордыне своей он осмелился обличать тех, кто выше всех обличений по положению своему. За то и был наказан, и смерть его была ужасна. Ему отрезали голову, положили на блюдо и так носили, показав всем, как воздается обидчикам высшей власти.

– Неужто за слова могут так наказывать? – удивленно спросил Шимон.

– Получается – могут. Кому охота выслушивать про свои грехи от незваного судьи? А если сила есть, отчего бы ее не употребить?

Ученики помрачнели. Учитель же побледнел, будто увидел саму смерть.

В сумерках, когда догорел костер и все легли спать, он отозвал Шимона, Иоанна и Иакова:

– Пойдемте, братья мои, – я хочу сказать вам нечто.

Переглянувшись, они поспешили за ним. Еще никого Учитель не брал с собой в ночные прогулки.

Ни единый звук окрест не нарушал торжественной тишины, поэтому шаги учеников казались шумными. Учитель же шел, словно не касаясь земли.

Отойдя от привала на достаточное расстояние, он остановился.

– Братья мои, – начал равви, – я позвал вас, чтобы спросить и предупредить. А спросить хочу вот что: чем сердца ваши полны, после того, как узнали вы о смерти праведника? Не испугались ли? Не закралось ли сомнение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.